

С. Л. НИКОЛАЕВ

Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков¹

В настоящей статье автор возвращается к проблематике, которая была затронута в его прежних статьях, дополняет их новым материалом и идеями, а также исправляет ошибки, допущенные им в публикациях. В статье приводятся ранее не публиковавшиеся материалы диалектологических экспедиций Института славяноведения РАН – МРЭ, МБЭ и МКЭ.

В I разделе «Еще раз о рефлексах “напряженных” редуцированных (* $\hat{ъ}$ и * $\hat{ь}^2$) в восточнославянских диалектах», в частности, анализируются системы рефлексов «напряженных» сильных и слабых еров в современных диалектах и древнерусских памятниках. Одна из «нетривиальных» систем, вероятно, была характерна для древнекиевского диалекта с сер. XI (возможно и раньше) по сер. XII в.

Во II разделе «Еще раз о псковских “напряженных” * $\hat{ъ}$ и * $\hat{ь}$ перед йотированными сонантами» приводится дополнительный диалектный восточнославянский и древнерусский материал.

В III разделе «Еще раз о восточнославянском диалектном развитии *TORT» привлекаются новые данные, в частности, на большом рукописном и диалектном материале рассматриваются «нестандартные» западные и северо-западные рефлексы *TORT > *ТроТ, ТреТ, ТлоТ, ТлеТ*.

В IV разделе «Еще раз о закарпатских рефлексах праслав. *о в “новозакрытых” слогах» (ареальное * $\bar{o}$) приводится материал из ранее записанных «на слух» закарпатских говоров. В говоре с. Луг Раховского р-на подтвержден рефлекс * $\bar{o}$ > /o/.

В V разделе «Еще раз о рефлексах *и и * $\bar{o}$ в карпатоукраинских говорах» подтверждена находящаяся на грани исчезновения фонологическая оппозиция рефлексов праслав. *и и * $\bar{o}$.

¹ Автор выражает глубокую признательность С. Тарасову, М. В. Ослону, А. Е. Аникину и М. Н. Толстой за помощь в подготовке этой статьи.

² Здесь и далее позднепраславянские сильные редуцированные обозначаются буквами $\hat{ъ}$, $\hat{ь}$ с диакритикой « $\circ$ », слабые – с диакритикой « $\wedge$ ». Позиционная «напряженность» редуцированных обозначается диакритикой « $\hat{\wedge}$ ».

И. ЕЩЕ РАЗ О РЕФЛЕКСАХ «НАПРЯЖЕННЫХ» РЕДУЦИРОВАННЫХ (*ѣ и *ѧ) В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Настоящий раздел восходит к статье (Николаев 1988: 118–121), см. также (Николаев 1996б: 212; 2020: 229–30). Ниже уточнена формулировка систем и приведены полные списки населенных пунктов, в которых отмечены нестандартные рефлексы «напряженных» редуцированных. Населенные пункты обозначены цифрами, расшифровку которых см. в (ДАРЯ III. Комментарии: 314–370).

В большинстве позиций праславянские *ъ и *ь ведут себя в восточнославянских говорах одинаково – *ъ > o/∅, *ь > e/∅. Особое развитие имеют так называемые «напряженные» *ѣ и *ѧ, восходящие к праслав. *у, *і и *ъ, *ь перед *-j-*. Наибольший интерес представляет развитие *ѣ под ударением, который дает диалектные o, ы либо e-образные звуки – *молодѣй, молодѣій, молодѣій / молодѣій, молодѣій*, так же *молод'ей*); *крѣю, крѣю, крѣю / крѣю, крѣю* ‘крою’.

Необходимо остановиться на позиционных условиях реализации *ѣ в различных говорах. Выделяются две позиции, в которых рефлекс *ѣ под ударением³ могут быть различными внутри одной системы: 1) перед праславянским слабым редуцированным следующего слога – рефлекс сильного *ѣ (наиболее распространенная позиция – окончание *-*ѣіѣ* членных прилагательных И. В. ед. м. р.); 2) в прочих позициях – рефлекс слабого ера *ѣ (например, в презенсе глаголов типа *мыти, крыти*)⁴.

Ниже будут рассмотрены в основном рефлекс *ѣ, а рефлекс *ѧ привлечены в необходимых случаях. В ДАРЯ рефлекс *ѣ в окончании И. ед. прилагательных не картографирован, поэтому ареал *ѣ > u неизвестен. Во 2 л. повелительного наклонения рефлекс *ѣ > u отмечен только в говорах, сопредельных с белорусскими, включая говоры западнобрянского «выступа» (ДАРЯ II, карта 99). Существенно, что слабый *ѣ вокализуется в подавляющем большинстве восточнославянских диалектов: *мјю* ‘мою’ известно из единичных севернорусских анклавов (ДАРЯ II, карта 99), тогда как слабый *ѣ обычно выпадает по общим правилам (рус. *нѣт, лѣт, вѣт*; укр. *н'є, ллє, но шіє*; так же

³ Безударное окончание прилагательных *-ый* < *-ѣјъ* в говорах с подударным *-ой* по большей части возникло в результате «редукции» [ъ] > [ы], хотя для ряда ареалов не исключен и прямой рефлекс *-ѣјъ* > *-ыј*. В настоящей статье ареалогия безударного окончания не рассматривается.

⁴ В формах повелительного наклонения **кгујъ, *кгујѣ* в русских говорах как правило обобщена огласовка презенса (ДАРЯ II, карта 99), и поэтому их рефлексы могут отличаться от окончания **-ѣјъ*.

ведет себя $*\hat{b}$ в суффиксе $*\text{-ьj-}$ и т. д.). Системы соотношения рефлексов $*\hat{b} \sim *b$ (северо-восточная $e \sim \emptyset$ и юго-западная $u \sim \emptyset$) не столь существенны для исторической лингвгеографии.

Рефлекс $*\hat{b} > y$ представлен в украинском и белорусском языках (литер. укр. *крію* ~ *молодій*, белор. *крью* ~ *малады* при рус. *крю* ~ *молодой*), а также в части западнорусских диалектов⁵. Менее широко распространен переход $*\hat{b} > e$, он отмечен на востоке белорусской территории (ДАБМ, карта 110), в северо-западных, западных и юго-западных русских говорах. В ДАРЯ II раздельно картографированы рефлексy окончания $*\text{-ьjь}$ прилагательных (карта 42) и презенс глаголов типа *крьть* (карта 99), поэтому системы соотношения рефлексов не очевидны. Ниже использованы материалы ДАРЯ – ответы на вопрос 31 «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ I. Комментарий: 195–212).

На восточнославянской территории представлены следующие основные системы – табл. 1. В случаях, когда системы образуют компактные ареалы, их единое происхождение почти несомненно. В случаях их дисперсного распространения в пространстве и времени более вероятно независимое происхождение близких и даже идентичных систем, объединенных под условными названиями, отражающими их компактные ареалы.

Таблица 1

СИСТЕМЫ СООТНОШЕНИЯ РЕФЛЕКСОВ НАПРЯЖЕННОГО $*\hat{b}$
в сильной и слабой позициях

Пра- слав.	Система								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
$*\hat{b}$	ы	з	з	о	о	о	з	ы	ы
$*\hat{b}$	ы	ы	з	з	ы	о	о	о	ь > о

Пояснения к таблице. Системы: 1 – юго-западная, 2 – смоленская, 3 – южнопосковская I, 4 – южнопосковская II (она же верхнеокская), 5 – деснинская, 6 – восточная, 7 – новгородская I, 8 – новгородская II, 9 – древнекиевская. Здесь и далее буквой з обозначается серия звукотипов, передаваемых в записях знаками э^в, ы^з (*ры^зим*, *кр^зьйут*), ы/э в свободном варьировании (*кр^юю/кр^эю*), а также соответствующих букве э после парных твердых согласных (*молод^эй*, *кр^эю*). Объединение звукотипов

⁵ Особым случаем является корень $*\text{куj-}$, в котором в великорусских говорах представлен только рефлекс $-\text{ы-}$: рус. *кий*, Р. *кия*. Так же ведет себя топоним *Киевь*, который не отмечен с рефлексом «о» ни в говорах, ни в памятниках.

оправдывается тем, что системы с «з» по большей части образуют компактные ареалы, противопоставленные другим системам. Полуужирным шрифтом выделены системы с совпадением рефлексов * $\hat{z}$ и * $\hat{z}$.

1. **Юго-западная**⁶ система *молодѣй* ~ *крѣю* представлена во всех украинских и в большей части белорусских говоров (кроме части говоров северо-востока), в отдельных пунктах крайнего запада великорусской территории⁷, а также в Новозыбковско-Стародубском «выступе», где распространены белорусские говоры⁸: укр. литер. *молодий* ~ *крѣю*, диал. *молодѣй* ~ *крѣю*, белор. *маладѣй* ~ *крѣю*, юго-зап. рус. *молодѣй* ~ *крѣю*. Эта система и ее рефлексy представлены во всех южных и западнославянских языках, включая русский церковнославянский.

2. **Смоленская** система *молодѣй* ~ *крѣю*, ареал распространения которой в западнорусских говорах показан в (Николаев 1988: 118–119, карта 1, тема 4)⁹. Она характерна также для северо-восточных белорусских говоров (сплошной ареал на востоке Витебской и Могилевской обл.: ДАБМ, карта 110 – варианты *маладѣй* и *маладѣй/маладѣй*¹⁰) и западной группы южного наречия русского языка¹¹. Эта же система отмечена на южнопсковской территории в районе Новоржева.

Редкий вариант, вероятно, этой же системы – *молодѣй* ~ *крѣю*: МДАРЯ Зап. 21, 56, 65, 80, а также изолированный говор Зап. 583.

3. **Южнопсковская I** система *молодѣй/молод'ей* ~ *крѣю* (Николаев 1988: 118–120, карта 1, тема 5)¹². Для ряда говоров с этой системой характерен рефлекс *-ей* с предшествующим мягким согласным, что может говорить о переходе сильного * $\hat{z}$ > * $\hat{z}$ перед *-j-*, тогда как слабый

⁶ В (Николаев 1988: 118–119) она называется «западной».

⁷ МДАРЯ Зап. 21, 22, 25, 77, 78, 98, 280–283, 347, 368, 530, 535, 539, 557, 561, 572, 585, 588, 595, 620.

⁸ В (Захарова, Орлова 1970), в отличие от ДАРЯ, эта территория не включена в великорусскую.

⁹ МДАРЯ С.-З. 213, 217, 220, 221, 224, 225, 227, 228, 246, 247; Зап. 20, 23, 24, 39, 40–45, 47, 48, 50–54, 72, 73, 79, 96, 99, 101–103, 105, 106, 120, 122–132, 147, 153, 154, 156, 284–289, 292–317, 319, 320, 322–328, 330–332, 334–345, 348, 349, 364, 366, 369, 501, 504, 506–510, 512, 515, 516, 518–523, 531–533, 536, 540, 541, 543, 545–549, 552, 556, 558, 559, 569, 573, 574, 587, 591, 592, 686–692, 694, 695, 701, 709.

¹⁰ В подавляющем большинстве белорусских говоров в слабой позиции рефлекс * $\hat{z}$ > *ы* (*мыю*, *крѣю*).

¹¹ Южная граница древнерусского смоленско-полоцкого диалекта приблизительно проходила чуть южнее линии Смоленск – Полоцк.

¹² МДАРЯ С.-З. 206, 223, 226, 229, 241, 263, 266, 267; Зап. 4, 5, 6, 8, 10, 11, 14, 17, 26, 27, 29, 34, 37, 38, 46, 49, 321, 517, 614.

* $\hat{z}$ не сдвигался в передний ряд: *moldъjъ > *mold $\hat{z}$ jъ > *mold $\hat{z}$ jъ (?) > *молод'ей*, но *k $\hat{g}$ ъjъ > *кръю* – например, С.-З. 206: *малад'ей, глуп'ей, н'и худей, св'ат'ей, сухей, кр'ив'ей, фтар'ей, друг'ей* при н'а *мѣйу, мѣйица, нарѣйим, крѣйим, закрѣйу, пакрѣйут'*. Однако вовсе не исключено, что в формах с мягкими согласными перед *-ей* отражено псковско-новгородское окончание И. ед. м. *-ei* < **-ejъ*: Гр. № 725 (XII/XIII в.) *котореи*.

4. Южнопсковская II (она же *верхнеокская*) система *молодбѣ* ~ *крѣю* распространена от южнопсковских говоров на восток по течению Западной Двины до верхнего течения Оки на ее левом берегу¹³ (Николаев 1988: 120; карта 1, тема 6).

Один из фонетических вариантов верхнеокской системы – *молодбѣ* ~ *крѣю* – описан А. А. Шахматовым (1915: 354): «В некоторых южновеликорусских говорах сохранилась вторая промежуточная ступень от звука у (т. е. ъ) к о, а именно о <...> Это о мне пришлось наблюдать в 1895 г., напр., в Милеевской волости Жиздринского уезда, а также в пограничных селениях Брянского уезда; звук этот казался мне близким к звуку *ö* франц. слов *leur, deteure*, нем. *Mönch, Löcher*, но более задним, чем *ö*, следовательно, более близким к о. Я слышал этот звук в таких словах, как *мою, крою, рою, памои*, между тем как в окончании им. ед. (*худой, плахой, кривой* и т. п.) слышится *-ой*». Вероятно, знаком *ö* у Шахматова обозначен средний или средне-задний огубленный гласный [ø].

Вероятно, сюда примыкает псковская смешанная система МДАРЯ С.-З. 229, которая может восходить к *молодѣ* ~ *крѣю* в результате субституции [ø] ⇒ о ~ з: *худбѣ/худѣй, сл'аной/сл'анѣй, сухбѣ/сук'ей, дъраубѣ/дъраубѣй* при *мѣйу/мѣйу, крѣйу/крѣйу, рѣйу/рѣйу*.

5. Деснинская система *молодбѣ* ~ *крѣю* распространена сплошным массивом к востоку от *смоленской* и *юго-западной* систем. Восточная граница «деснинской» системы проходит чуть западнее линии Гагарин – Вязьма – Белев – Кромы – Курск – Белгород, северная граница проходит южнее Ржева, а южная – по русско-украинской языковой границе¹⁴ (Николаев 1988: 120). Отдельные пункты расположены

¹³ МДАРЯ Зап. 7, 8, 9, 12, 15, 18, 32, 35, 38, 62, 64, 68, 75, 618, 729, 739; С.-З. 170, 176, 194, 197, 249.

¹⁴ МДАРЯ С.-З. 89, 179, 189, 191, 195, 196; Зап. 67, 74, 76, 90, 95, 97, 100, 149, 151, 155, 333, 346, 350–363, 365, 367, 370–374, 376–382, 384–386, 388, 389, 391, 395, 397, 398, 400, 511, 524–527, 529, 534, 537, 539, 542, 544, 550, 551, 553–555, 560, 562–568, 570, 571, 575–582, 584, 593, 596, 597, 599, 600, 609, 612, 616, 624, 693, 696, 697, 699, 700, 702–708, 710–717, 720, 725, 726.

южнее Торопца и в среднем течении Ловати: С.-З. 179 *злѡй* при *мѣйу*, *крѣйу*; 189 *маладѡй*, *злѡй* при *мѣйу*, *не^н пакрѣйѣеш*; 191 *злѡй*, *сухѡй*, *маладѡй* при *мѣйу*, *аткрѣйу*; 196 *злѡй*, *худѡй*, *маладой* при *мѣйу*, *пакрѣйѣем*, *закрѣйѣем*.

6. **Восточная** система *молодѡй* ~ *крѡю* характерна для северо-восточных, восточных, центральных, юго-восточных и южных великорусских говоров, включая русский литературный язык. Это единственная система, в которой рефлексы обычных и «напряженных» *ъ, *ь совпадают соответственно в [o] и [e] во всех позициях.

7–8. **Новгородская I** система *молодѣй* ~ *крѡю* и **новгородская II** система *молодѣй* ~ *крѡю* дисперсно распространены в говорах к западу и юго-западу от Ильменя и образуют компактный ареал к юго-западу от Онежского оз. (Николаев 1988: 118–119, карта 1, тема 7)¹⁵.

В д. Педасельга Прионежского р-на Карелии на месте сильного *ѣ произносится [ø]: в транскрипции А. В. Тер-Аванесовой *домовѣй*, *дворовѣй* и т. п.¹⁶

Древнерусские системы

Релевантные для настоящего рассуждения формы от глаголов типа *крыти* слабо представлены в Ипатьевском (Ипат.) нач. XV и Лаврентьевском (Лавр.) XIV в. списках. В частности, примеры на презенс от *крыти* в Ипат. и Лавр. отмечены только в сплошных церковнославянских фрагментах с ожидаемой *ы*-огласовкой: Ипат. *по||крыеть* л. 27а–б, *покрыеть* 302б, *ѡкрыеть* 39а; Лавр. *покрыеть* л. 21а, *покрыеть* 143б, *ѡкры||еть* 33б.

9. **Древнекиевская** система *молодыи* / *стрыи* ~ *крѡю (> *крѡю) / *стрѣя* (> *стрѡя*), сходная с диалектными «новгородскими» («*молодѣй* / *молодѣй* ~ *крѡю*»), представлена в Киевской лет. (КЛ) в составе Ипатьевского списка (нач. XV в.) по 1150-е гг., в парадигме *стрыи* ‘дядя по отцу’¹⁷. На месте сильного *ѣ произносился звук, близкий к рефлексу

¹⁵ Новгородские системы: МДАЯ С.-З. 6, 8, 130, 153, 179, 204, 205, 206, 207, 226; Сев. 4–10, 65–67, 80–84.

¹⁶ Автор благодарит А. В. Тер-Аванесову за предоставленный материал.

¹⁷ Слово, скудно представленное в восточнорусских диалектах с рефлексами, предсказуемо соответствующими «восточной» системе «*молодѡй* ~ *крѡю*»: нелокализ. *строй* ‘дядя по отцу’ (Даль IV: 580), также, по-видимому, сюда относятся влад., волог. *строй* ‘нищий, убогий’ (СРНГ), влад. *стрѡем сделать* ‘искалечить кого-л., изувечить’ и *Строй* фолькл.: «в сказке *Строй* слово это обращено в собственное

*у ([ы]) или идентичный ему (*стрыи, молодьи*) – см. промежуточные выводы в (Николаев 2020: 230). В XI–XII вв. на месте слабого *ŕ̥ произносился звук, идентичный рефлексу обычного *ъ; далее он «прояснился» в [о], как обычный ер. Ниже формы приводятся по годам:

– рефлекс сильного *ŕ̥:

Им. *стрыи* sub 1133 г., 1138, 1148 3×, 1149, 1150; В. *стрыню* (<*strŕ̥jŕ̥njŕ̥ <*stryjinjŕ̥) ‘жена дяди по отцу’ sub 1155;

– рефлекс слабого *ŕ̥:

Р. *строа* sub 1146, 1149, 1150 (2×), 1151, 1154; Д. *строеви* sub 1123, 1128, 1138, 1149, 1151, 1152, 1154, 1155 (4×), Зв. *строю* 1195. Написания с -р̣ь-: *стр̣ья* sub 1128, 1151 (2×), 1156 (2×), 1162 и Д. *стр̣ьєви* sub 1156, М. на *стр̣ьи* 1151.

Вероятно, эта же система была характерна и для Повести временных лет (ПВЛ) в составе Ипат., где представлены только косвенные формы от *стрыи*: Р. *строа* sub 1093, *строе|мь* 1117, также *стр̣ья* 1093 – оклоняется *стр̣ья* 1059 с «юго-западной» огласовкой.

Под 1171 и 1173 гг. представлена *юго-западная* система *молодьи* ~ *крыю* (*стрыи* ~ *стр̣ья*): Р. *стр̣ья*.

Смешанная (без распределения по годам) система *стрыи* ~ *стр̣ья* (*строа*) или *стр̣ья* характерна для Волынской лет. (ВЛ) в по Ипат. Смешанная система может объясняться тем, что написание *стр̣ья* принадлежало волынскому протографу, а киевский копиист привнес в текст собственный вариант *стр̣ья*/ *строа*:

– рефлекс сильного *ŕ̥:

Им. *стрыи* sub 1288;

– рефлекс слабого *ŕ̥:

а) «древнекиевский» – Р. *строа*, *стр̣ья* sub 1288, Д. *строеви* 1287, 1288, Зв. *строю* 1288;

б) «юго-западный» – Р. *стр̣ья* sub 1289, Д. *стр̣ьєви* 1289, М. *стрыи* 1298.

имя мужика домостроа, хозяина» (Даль IV: 580), также распространенная фамилия *Строев*. На восточнославянском юго-западе рефлекс предсказуемо соотносятся системе «*молодѣй* ~ *мыю*»: рус. южн., зап. *стрый* ‘дядя по отцу’, также не локализованные *стр̣ья* ‘тетка по отцу’, *стр̣йный*, также *стр̣йчич* ‘двоюродный брат по отцу’, *стр̣ьечка* ‘двоюродная сестра по отцу’, *стр̣ьечный* ‘двоюродный’ (Даль IV: 589); укр. диал. *стрый* ‘дядя по отцу, муж сестры отца, брат деда, брат матери’, *стр̣йна* ‘сестра отца’; белор. диал. *стрый* ‘дядя по отцу’, белор. *стр̣ьечны* ‘двоюродный’ (ЕСУМ 5: 442).

В Лаврентьевском списке в закрытом слоге (сильный * $\hat{\text{f}}$) – только *-ыи*.

В открытом слоге (слабый * f) рефлексы зависят от хронологии. «Древнекиевская» система *стрыи* ~ *стрыа* представлена в ПВЛ и Суздальской лет. (СЛ) по сер. XII в. (за исключением 1127 г.). С сер. XII по XIII вв. – «юго-западная» система *стрыи* ~ *стрыа*:

– рефлекс сильного * $\hat{\text{f}}$:

Им. *стрыи* sub 1149, *стры|и* 1154;

– рефлекс слабого * f :

XI – сер. XII в. – «древнекиевский» рефлекс – ПВЛ: Р. *стрыа* sub 1059, 1093 (2×); Д. *стрыеви* 1064; Д. дв. *стрыема* 1078; СЛ: *стрыеви* 1154, *стрыеви* 1143; Д. мн. *стрыемь* 1148 – отклоняется *стры[а]* 1127;

2-я пол. XII в. – «юго-западный» рефлекс – СЛ: *стрыа* sub 1151, 1154 (2×), 1159, 1168, 1169, 1177 (2×), 1217; Д. *стрыеви* sub 1138, 1150, *стрыеви* 1154, *стрыевъ* 1155 (2×); Тв. *стрыемь* 1151 (2×), *стрые^м* 1247; Д. дв. *стрыема* 1127 (2×), *стрыема* 1149, Им. мн. *стрыеве* 1207, также *Черторыескъ* 1100, *на^д Черторыею* 1147, *оу Черторыгь* 1150.

В тех фрагментах киевских ПВЛ и КЛ, которые написаны преимущественно по-древнерусски, наверное использовался древнекиевский диалект. Для ПВЛ можно предполагать «древнекиевскую» систему *стрыи ~ *стрыа* (*стрыа*), где *стрыи* < * $\text{str}\hat{\text{f}}\text{j}\text{ь}$ реконструируется по аналогии с адъективным окончанием И.-В. ед. *-ыи* < * $\text{-f}\text{j}\text{ь}$. Судя по КЛ, в самом Киеве эта система со 2-й пол. XII в. сосуществовала с «юго-западной» *стрыи* ~ *стрыа*. Древнекиевская хронология постепенной замены основы *стры- /стро-* на *стры- /отры-* отражена и в Суздальской лет. – см. ниже табл. 2.

В ПВЛ в составе Радзивиловской лет. 1-й пол. XV в. (старовеликорусские Запад или «ближний» Юго-Запад) ожидаемо представлена только косвенная основа *стры-*, соответствующая «юго-западной» системе: ПВЛ *стрыа* sub 1059, *стры|а* (1×), *стрыа* 1093 (2×), Д. *стрыеви* 1065, Д. дв. *стрыема* 1078.

В Новгородской 1-й летописи старшего извода (Новг. 1 ст., рукопись XIII в.) в тексте XII в. отмечена косвенная основа *стры-*: Р. *стрыа* sub 1158, *от стрья* 1177, Т. *съ стрьемь* 1175 (хронологически соответствующая основе *стры-* в Ипат. и Лавр. за XII в.) и в тексте за XIII в. основа *стры-*: *передь стрьемь* sub 1270 г. (соответствующая основе *стры-* в Ипат. и Лавр. за XIII в.).

В новгородском глаголическом граффито сер. XI в. (Софийский собор) представлено имя *Стры:* в кириллической транслитерации

Стръи писа|лъ слѣпѣи. Имя *Стръи* также упомянуто в кратком глаголическом граффито, по-видимому, написанном тем же почерком (Михеев 2015: 68–69). В берестяных грамотах рефлексы *-ŕj- со слабым ером (в формах типа *строя/стрыя, крою/крыю*), по-видимому, не представлены.

Рефлекс сильного *ŕ̥ представлен в окончании И.-В. ед. м. *-ŕjь (в древненовгородском – только в винительном¹⁸).

В Ипат. обычный рефлекс – окончание *-ьи*. Окончание *-ои* отмечено только в КЛ в специфической позиции – у основ с суффиксом *-ьск-*: *тысячкои* sub 1130, 1140, 1146, *тысяцкои* 2x, *ты^сцкои* 1148; *галичьскои* 3x, *галичкои*, *галичьскои* 1150; *печерьскои* 1182; *черниговьскои* 1196¹⁹. Внесистемное исключение – *новои* sub 1093 г. в ПВЛ. В Галицкой лет. в составе Ипат. окончание И.-В. ед. м. *-ьи*, основа *стрыи* отсутствует.

В Лавр. в тексте за XI–XIV вв. регулярно представлено окончание *-ьи*, за исключением *которои* sub 1097 г. (*то вда^м ти которои ти городъ любь*). Вокализм окончания *-ьи* соответствует рефлексу в И. ед. *стрыи*.

В галицко-волинских грамотах и современных украинских говорах отмечена только «юго-западная» система *молодѣй ~ крѣю* (рус. диал. *молодѣй ~ крѣю*, белор. *маладѣ ~ крѣю*, укр. *молодѣй ~ крѣю*). Ареал данной системы (украинские говоры, большинство белорусских говоров и западные и юго-западные русские говоры) практиче-

¹⁸ Древненовгородским окончанием И. ед. м. было *-еи* < *-еjь: Гр. № 725 (XII/XIII в.) *катореи*.

¹⁹ Основы на *-ьск-* имеют в Ипат. (на протяжении всего списка) другую особенность – отсутствие аффрикатизации *-к-* в позиции II палатализации в М. ед. м./ср., Д. М. ед. ж.: *Полотьскъ, Туришскъ, рускѣи* и т. д. Также этот рефлекс обычен в Лавр. (Николаев 2020: 211). Вопреки (Шевелева 1997: 40), отсутствие аффрикатизации в формах на *-скъ* не свидетельствует о новгородском происхождении древнерусских текстов, поскольку рефлекс *скъ* (как в словоизменении, так и в корнях) отмечается по всему восточнославянскому Западу, включая белорусские и украинские говоры. В «Хожении Афанасия Никитина» (по-видимому, древнетверской диалект) регулярно чередование *к/ц, г/з, х/с* в основах с исходом на одиночные веларные и отсутствует в сочетаниях «согласный + заднеязычный», включая *ск* (Николаев 2020: 211). Не исключено, что рефлекс *скъ* был характерен и для древнекиевского диалекта. Формы КЛ *оскъномъ* л. 107а, ВЛ *«вскътищемъ* 257а, *вскътищю* 260а, *скъпаніе* 265а и современные белор. диал. *скепанць, раскепанць*, укр. *скіпа, скіпка, скіпати* и т. п. (Николаев 2020: 211–212) наверное не древненовгородские по происхождению. Также и неразличение *ц* и *ч* само по себе не говорит о псковско-новгородском происхождении конкретного текста, поскольку цоканье было характерно и для смоленско-полоцкого ареала.

ски совпадает с ареалом развития $Tr\check{z}T$ (со слабым ером) $> T^{\check{z}}rT/T_r^{\check{z}}T$ («новый слоговой сонант») $> T\check{y}rT/T_r\check{y}T$. В древнерусских диалектах с «юго-западной» системой отражения $*\check{z}$ (*крью*) новые слоговые сонанты также были *ы*-окрашенными, отсюда рус. смол. *дрѣжѣки продавати* ‘дрожать от холода’ (СРНГ 8: 221), укр. *дрижа́ти*, белор. *дрыжа́ць* $< *dr\check{z}ati$ ‘дрожать’; укр. *кривавий*, белор. *крывяны́*, укр. закарп. *кривавий/кырвавий* наряду с архаичными $k^{\check{z}}r\check{v}av\check{y}i/k_r^{\check{z}}v\check{a}v\check{y}i$ ‘кровавый’ (МКЭ). Примечательно, что ни в Ипат., ни в Лавр. этот рефлекс не засвидетельствован (всегда *рѣ* $>$ *ро*: Р. Д. М. *крови, кровопролитье, кровавыи* *passim* и т. п.) и, по всей видимости, не был характерен для древнекиевского диалекта.

В Новгородской 1-й летописи старшего извода окончание $*-\check{z}j\check{z}$ имеет регулярный рефлекс *-ѣи* (за исключением позднего *дѣцкои* sub 1235 г.), который также и церковнославянский. В берестяных грамотах наблюдается пестрая картина. Окончаниями В. ед. м. в раннем периоде (XI–XII в.) были *-ѣи* в *половѣи, бж{рѣ}рѣи* № 160 наряду с *-ѣи* в *шизѣи* № 753. В более поздних грамотах (XIII–XV вв.) также отмечено *-ои* ($< -ѣи$) наряду с *-ѣи/-ѣи* (Зализняк 2004а: 67; 119).

В глаголической надписи сер. XI в. (Софийский собор) окончание И. ед. м. *-ѣи* соответствует форме имени *Стрѣи*: в кириллической транслитерации *Стрѣи писа|лъ слѣпѣи* (Михеев 2015: 68). При этом как *-ѣи* записано «наддиалектное» древнерусское (Зализняк 2004а: 5–6), а не древненовгородское окончание *-еи*.

Не исключено, что ранне-др.-новг. $\check{z}$ на месте $*\check{z}$ произносился как [e], таким образом напоминая прионежские *домовѣй, дворовѣй* и т. д. (см. выше).

* * *

«Древнекиевская» система *стрѣи* ~ *стрѣя* ($>$ *строя*), по-видимому, была характерна для киевского диалекта XI – 1-й пол. XII в. Она отражена 1) в составе Ипат. – в ПВЛ (XI – нач. XII вв.) и в Киевской лет. с нач. XII в. по 1160-е гг. и 2) в составе Лавр. – в ПВЛ и Суздальской лет. XII в. по 1150-е гг.

Со 2-й пол. XII в. и далее «древнекиевская» система вытесняется «юго-западной» *стрѣи* ~ *стрѣя*. Также и в Новг. 1 ст. *стрѣя* датируется XII в. и *стрѣя* – XIII в., см. ниже табл. 2²⁰.

²⁰ Стоит отметить, что между Киевской и Суздальской летописями XII в. имеются обширные текстуальные совпадения/сходства (Юрьева 2022), при этом текстом-источником была КЛ.

Выбор вариантов «*стрья/стройка*» или «*стрья*» в Ипат. и Лавр. не коррелирует с чередованием копиистов (в Ипат. их пятеро, в Лавр. – двое) – следовательно, написания восходят к общему (по всей видимости, киевскому) протографу, а не внесены позднейшими копиистами.

Сходство в хронологическом распределении вариантов косвенной основы *стръj-* (*строj-*) ~ *стрыj-* в Ипат., Лавр., с одной стороны, и в Новг. 1 ст. – с другой, не свидетельствует о том, что текстам Ипат. и Лавр. за XI–XII вв. предшествовал промежуточный новгородский протограф, хотя современная («новгородская II») система, похожая на *стрыи* ~ *стрья* (*стройка*), известна только из северо-западных говоров. «Древнекиевская» система *стрыи* ~ *стрья/стройка* (наряду с «юго-западной» *стрья*) отражена и в более позднем тексте юго-западного происхождения – Волынской лет. 2-й пол. XIII в. (в Галицкой лет. 1-й пол. XIII в. основа *стрыи* не отмечена).

Ипатьевский список лишен достоверных «псковизмов» и «новгородизмов», в нем исправно сохранился древнекиевский диалект – за вычетом цоканья, которое было привнесено в текст копиистами, вероятно, уроженцами смоленско-полоцкого ареала. Тем более не мог быть северо-западным протограф, к которому восходят Ипатьевский, Хлебниковский и Ермолаевский списки. Также и в Лаврентьевском списке нет достоверных «новгородизмов», но нет и системных северо-восточных («ростово-суздальских») признаков – см. подробное обсуждение в (Шевелева 1997: 35–43). Судя по ряду признаков (склонение *a*-основ, следы цоканья, нулевое окончание 3 ед. през. и т. д.), протограф Лавр. был создан в «ближней северо-западной» («верхне-волжско-кривичской») зоне, включая Тверь и даже Москву XIII–XIV в. (Николаев 2011; Абраменко и др. 2014: 125–128).

Хронологический параллелизм в дистрибуции «древнекиевского» *стрья* (*стройка*) и «юго-западного» *стрыя* в Ипат., Лавр. и Новг. 1 ст., скорее всего, отражает эволюцию древнерусского «наддиалектного» языка, до XIII в. включительно ориентировавшегося на диалект Киева. В Новг. 1 ст. в XII в. представлены «древнекиевская» система *стрыи* ~ *стрья* (в XII в.) и «юго-западная» *стрыи* ~ *стрыя* (в XIII в.), хронологически следующие друг за другом аналогично Ипат. и Лавр. По-видимому, Новг. 1 ст. была написана на «наддиалектном» древнерусском языке с отдельными локальными особенностями (Николаев 2020: 195).

Примечательно, что «восточная» система *молодой* ~ *крюю* (из др.-рус. диал. *стрыи/молоды* ~ *крыю/стрья*)²¹, которая ныне образует

²¹ Также вост.-рус. *строй* ‘дядя по отцу’, рефлекс слабого *ѣ̆ в фамилии *Строев*.

сплошной ареал, включающий северо-восточные, восточные, центральные, юго-восточные и южные великорусские говоры, не отражена в северо-восточном Лаврентьевском списке. В нем не представлены не только И. ед. *строи*, но и «общевосточное» окончание прилагательных И.-В. ед. м. *-ъи* > *-ои*. Это служит одним из доказательств того, что протограф Лавр. не был создан на древнерусском Северо-Востоке.

Позиция, где ожидается рефлекс слабого * $\hat{z}$ (позиция «*крыю ~ стрья*»), – окончание Р. ед. ж. * $\hat{z}j\hat{e}$ (из более раннего *-ујѣ) у прилагательных с «твердыми» основами. В большинстве современных восточнославянских диалектов оно замещено местоименным окончанием *-ојѣ (рус. *-ой*, диал. *-ое*; укр. *-ої*). Судя по *стрья* (*стройка*), раннее древнекиевское адъективное окончание должно было иметь вид *-ъъ*, однако оно не засвидетельствовано, тогда как проникновение местоименного *-оъ* в склонение прилагательных известно с XI в. Относительно киевского граффито № 104 (Высоцкий 1976: 30) А. А. Зализняк пишет, что надпись «одноерова. Это значит, что она относится ко времени не позднее XII в., а скорее всего – к XI в. Ввиду этого представляет большой интерес новое (местоименное) окончание *-оѣ* в Р. ед. жен. *вечнюѣ*» (Зализняк 2004б: 271) во фразе *ѡведи мѧ | ѡ моук[ы] вечнюѣ*. Ранняя замена адъективного окончания *-ъъ* (непосредственно не представленного в памятниках) местоименным *-оъ*, вероятно, стала дополнительным триггером для глобальной замены остальных адъективных окончаний (*-аго*, *-уму*, *-тъмь*, *-тъи* и т. д.) местоименными (*-ого*, *-ому*, *-омь*, *-ои* и т. д.).

В Ипат. в ПВЛ, Киевской, Галицкой и Волынской лет. в основном представлено окончание Р. ед. ж. *-оѣ*²² (*-оѣ*/*-ое* и *-ои* с рефлексом * $\hat{z}j\hat{e}$ > *ji*, более редким в ПВЛ).

XI – нач. XII в. (ПВЛ): *рукое* sub 945, *другое* 985, *стѣое*, *на[рочи]тои* 988, *единои* 1054, *стѣоѣ* 1074, *первоѣ* 1078, *другоѣ*, *стѣоѣ* 1093, *стѣоѣ* 1101, *русьскои* 1096, 1098, *ма[сленоѣ]* 1114, *дерева[нои]* 1115 – также *стрья* (*стройка*).

XII в. (КЛ): *праз[нои]* sub 1133, *масле[нои]*, *стѣои* 1138, *по[розноѣ]* 1139, *киевскоѣ*, *черниговскои*, *новгороцкои* 1142, *поздноѣ*, *стѣоѣ* 2×, *соухоѣ*, *масленоѣ* 1146, *стѣоѣ*, *новгорочкои* 1147, *върб[ноѣ]*, *роускои* 2× 1148, *ѡ стѣоѣ*, *рускои* 1150, *стѣои* 1151, *рускои* 1152, 1154, *стѣоѣ* 2× 1155, *порозноѣ* 1156, *черниговскои* 1159 – также *стрья* (*стройка*).

В тексте за 2-ю пол. XII в. и XIII в. используется окончание *-оѣ* независимо от *ы*-огласовки *стрья*:

²² Наряду с нерелевантным церковнославянским *-ыѧ*.

ХII в. КЛ: *середохр^стъноѡ* 2×, *такоуои* sub 1170, *второѡ* 2× 1171, *ѡ* | *стѡѡ*, *второе* 1172, *ростовскоѡ*, *великоѡ* 1172, *масльноѡ*, *верьбноѡ*, *стѡѡ* 2× 1173, *рускоѡ* 2× 1174, *стѡѡ* 4×, *рускоѡ*, *володимерскоѡ*, *златоуерхоѡ*, *масоустьноѡ* 1175, *роускоѡ* 1177, 2× 1178, *и=соуѡѡдальскоѡ* 1180, *стрѡлноѡ* 1182, *чернигоуѡскоѡ* 1183, *роускоѡ* 1185, *стѡѡ*, *сборноѡ*, *второе* 1172, *милоѡ*, *такоѡ* 1187, *роускоѡ* 1189, *каменоѡ* 1190, *роускоѡ* 1192, *роусалноѡ*, *к^рстьяньскоѡ* 1195, *правоѡ*, *правоѡ* 1196 – однако *стрыя*.

Окончание *-ыѡ* с «юго-западной» фонетикой однажды встретилось в КЛ: *рускыѡ* 1159.

ХIII в. ГЛ: *романоуои* sub 1204, *королеуое* 1207, *романоуое* 1211, *соухое*, *коньскоѡ* 1213, *роускоѡ*, *прч^стоѡ* 1219, *стѡѡ*, *великоѡ* 1223, *ви||дѡноѡ* 1224, *роускоѡ*, *ладьскоѡ* 1229, *роускоѡ*, *деревноѡ* 1231, *стѡѡ* 2×, *роускоѡ* 2×, *роу|скоѡ* 1240, *оугорьскоѡ* 1241, *бѡлоѡ* 1245, *чѡшьскоѡ* 1254, *стѡѡ* 1255, *пр^стоѡ* 1259, *стѡѡ* 1260, 1262, *бѡлоѡ* 1268, *стр^стноѡ* 1268, *королеуое* 1207, *романоуое* 1211, *соухое*, *коньскоѡ* 1213, *прч^стоѡ* 1219, *стѡѡ*, *великоѡ* 1223, *ви||дѡноѡ* 1224, *роускоѡ* 1229, *деревноѡ* 1231, *стѡѡ* 2×, *роускоѡ* 2×, *роу|скоѡ* 1240, *оугорьскоѡ* 1241, *бѡлоѡ* 1245, *чѡшьскоѡ* 1254, *стѡѡ* 1255, *ятуа|ѡжьскоѡ*, *нѡмѡцкоѡ* 1257, *стѡѡ*, *пр^стоѡ* 1259.

ВЛ: *стѡѡ* sub 1268, *ладьскоѡ*, *люблинскоѡ* 1287, *бѡ^ччатоѡ*, *стр^стноѡ* 1290, *романоуои* 1291 – однако *стрыя/строѡ*.

Окончание Р. ед. ж. *-оѡ* (*-оѡ/-оѡ/-оѡ*)²³ отмечено и по всему тексту Лавр., включая ПВЛ и СЛ по ХIII в. При этом фонетика окончания соответствует косвенной основе *строѡ* в ХI в. и в 1-й пол. ХII в., и лишь во 2-й пол. ХII в. появляется косвенная основа *стрыя*, фонетически противопоставленная окончанию *-оѡ*:

ПВЛ (ХI – нач. ХII в.): *доброѡ* sub 955, *другоѡ* 980, 985, *нарочитоѡ* 985, *златоѡ* 1024, *стѡѡ* 1037, 1054, 1060 – также *строѡ*.

Окончание Р. ед. ж. *-ыѡ* только в ПВЛ: *черныѡ* sub 866, *семьѡ* 988.

СЛ (1-я пол. ХII в. по 1160-е гг.): *милоѡ* sub 1125, *стѡѡ* 1150, *стѡѡ* 1154, 1160, 2× 1164, *во||лодимер[с]коѡ* 1164, *стѡѡ* 1165, 1169, *дѡсѡтиньноѡ* 1169 – также *строѡ*.

СЛ (2-я пол. ХII – ХIII в.) *стѡѡ* sub 1173, 2× 1175, *володимерьскоѡ*, *чюдноѡ*, *достоу|ноѡ*, *златоуерхоѡ*, *масоу^сноѡ* 1175, *стѡѡ* 3×, *володимерьскоѡ* 1176, *ростовскоѡ*, *боларьскоѡ*, *золотоуерхоѡ* 1177, *пороздноѡ* 1179, *стѡѡ* 1184, 2× 1185, *володимерьскоѡ* 1186, *стѡѡ* 1187, *верьбноѡ* 1188, *стѡѡ* 1189, 1193, 2× 1194, 4× 1196, 5× 1197, 3× 1200, *стѡѡ*

²³ Наряду с нерелевантным церковнославянским *-ыѡ*.

Таблица 2

ПОЗИЦИОННЫЕ РЕФЛЕКСЫ ОСНОВЫ *СТРЫИ* ‘дядя по отцу’
и ОКОНЧАНИЙ И.-В. ед. м. и Р. ед. ж. в ИПАТЬЕВСКОМ, ЛАВРЕНТЬЕВСКОМ
СПИСКАХ и НОВГОРОДСКОЙ 1 ЛЕТ. СТАРШЕГО ИЗВОДА²⁴

		Ипатьевский список				Лаврентьевский список			Новгородская 1 лет. старшего извода	
		ПВЛ XI – нач. XII в.	КЛ 1-я пол. XII в.	КЛ 1170-е	ВЛ 2-я пол. XIII в.	ПВЛ XI – нач. XII в.	СЛ 1-я пол. XII в.	СЛ 2-я пол. XII – XIII в.	XII в.	XIII в.
* ^ъ _б	*strĭjь	?	стрыи	стрыи	стрыи	стрыи	стрыи	?	?	?
	И.-В. ед. м. * ^ъ _б ь	-ыи	-ыи ²⁵	-ыи	-ыи	-ыи	-ыи	-ыи	-ыи	-ыи
* ^ъ _б	*strĭj-	<u>стрѣ</u> ²⁷	<u>стрѣ</u>	<u>стрыя</u>	<u>стрыя</u> / <u>стрѣ</u>	<u>строя</u>	<u>строя</u> ²⁸	<u>стрыя</u>	<u>стрѣ</u>	<u>стрыя</u>
	Р. ед. ж. * ^ъ _б ѣ ²⁹	-оѣ	-оѣ ³⁰	-оѣ	-оѣ	-оѣ ³¹	-оѣ	-оѣ	? ³²	-ои

1194, *чюдное* 1200, *стѣе* 2× 1201, 1202, 1206, *сырное* 1206, *стѣе* 1211, 1225, 1229, *болгарское* 1230, *стѣе* 2× 1237, *хрѣъѣнь|ское* 1237, *стѣе* 2× 1248, 1249, 1250, 1263, *стѣе* 1255, *римское*, *стѣе* 1263, *стѣе* 1301 – однако *стрыя*.

В Новгородской 1 лет. старшего извода отмечено только церковно-славянское окончание Р. ед. ж. *-ыѣ*, а местоименное *-ои* (< *-оѣ*) зафиксировано в тексте XIII в.: *верѣбнои* sub 1204, *новгородьскои* sub 1216. В новгородских берестяных грамотах местоименное окончание

²⁴ Подчеркнут «древнекиевский» и новгородский рефлекс *^ъ_б > ѣ/ои, полужирным шрифтом – «юго-западный» *ыи*.

²⁵ Однако *-скои*. Такое же распределение в КЛ за 1182–1196, где формы от *стрыи* не представлены.

²⁶ Однако *-скои* 1×.

²⁷ Также «юго-западное» *стрыя* 1×.

²⁸ Также «юго-западное» *стрыя* 1×.

²⁹ По-видимому, подверглось ранней контаминации с созвучным местоименным окончанием **-оѣ*.

³⁰ Единично «юго-западное» *-ыѣ* 1×.

³¹ Единично «юго-западное» *-ыѣ* 2×.

³² В берестяных грамотах др.-новг. *-ѣѣ*.

Р. ед. ж. *-ои* < *-oję в прилагательных отмечается не ранее XIV в., до этого использовалось собственно древненовгородское адъективное окончание *-ьль* (с фонетическими вариантами), а местоименное *-ои* (= *-оь*) появляется в XIV–XV в. (Зализняк 2004а: 122), когда новгородский диалект решительно «повернулся на восток» и утратил большинство западных («кривичских») черт.

В табл. 2 показаны позиционные рефлекссы основы *стрыи* ‘дядя по отцу’ и окончаний И.-В. ед. м. и Р. ед. ж. в Ипатьевском, Лаврентьевском списках и Новгородской 1 лет. старшего извода.

II. ЕЩЕ РАЗ О ПСКОВСКИХ «НАПРЯЖЕННЫХ» *ѣ и *ѣ ПЕРЕД ЙОТИРОВАННЫМИ СОНАНТАМИ

Этой теме посвящен раздел в (Николаев 1988: 121–128).

В отношении развития напряженного *ѣ псковский диалект входит в обширный ареал восточнославянского континуума, где обычным рефлексом *ѣ является не только *о*, как на востоке, но и другие звуки.

Специфической чертой северо-западных говоров «на псковско-кривичской» территории является возникновение особого тембра («напряженность») *ѣ и *ь, переход *ѣ > з (только в псковских говорах) либо *ы* (имеющее заметно более широкое распространение), а также *ѣ > *и* перед мягкими сонантами,

1) которые были йотированными в праславянском («старые» *nj, *lj, *rj < праслав. *nj, *lj, *rj);

2) которые стали мягкими перед *j* в результате выпадения еря в суффиксе *ъje > *-je-* («новые» *nj, *lj, *rj, *mj и *vj)³³.

В смоленском ареале особых рефлекссов *ѣ перед йотированными согласными не обнаруживается, однако *ѣ > *и*.

Судя по новгородским берестяным грамотам (Зализняк 2004а: 58–66), выпадение *ѣ в суффиксе *-ъje произошло приблизительно во 2-й пол. XII в. Приблизительно в сер. XIII в. полностью исчезла оппозиция еров гласным полного образования (/ъ ↔ о/, /ь ↔ е/)³⁴. Поэтому

³³ Также, по-видимому, перед [mʲa], восходящим к ранне-др.-рус. *mjā < праслав. *mę – см. ниже раздел III.

³⁴ «В целом рассмотренный материал позволяет предполагать, что прояснение сильных редуцированных протекало в др.-новг. диалекте либо просто одновремен-

появление особого тембра *ъ и *ь перед йотированными сонантами в псковско-смоленском ареале может быть датировано приблизительно кон. XII – нач. XIII в.

Вставные (эпентетические) еры (отраженные в диалектах в таких словах, как *огонь*, *веперь*, *ветер* и т. п. с «беглыми» *о*, *е* во всех восточнославянских говорах) плохо фиксируются раннедревнерусскими рукописями. Вставной гласный *-о-* в *огнь* известен из берестяной грамоты № 973 XIII в. *геонегоне*. Эту надпись, «очевидно, следует читать как [геон’огон’] и понимать как сочетание [геон’огон’] ‘гееннский огонь’, записанное так, как если бы это было единое слово» (Зализняк, Янин 2009: 11; Янин, Зализняк 2015: 82)³⁵. Эпентетическое «о» в слове *огонь* могло произноситься как [ъ] (если грамота написана в 1-й пол. XIII в.) или [о] (если во 2-й пол. XIII в.).

Об относительной древности (до выпадения слабых редуцированных) вставного гласного в рефлексах др.-рус. *огнь* говорит то, что в них нет компенсаторного удлинения в «новозакрытых» слогах в южнобелорусско-украинском ареале (см. раздел IV настоящей статьи). Регулярными рефлексами *огнь > ареальное *oġнь с последующей эпентезой *-ь-* были бы укр. диал. «*вігонь/вігень*». На деле мы имеем (в)*огонь* или *огень*. Также нет удлинения в рефлексах *вергъ, *mozgъ: укр. диал. *веперь* ‘поросенок’, а не «*віперь*», укр. *мозок* ‘мозг’, а не «*мізок*»³⁶. Развитие *вергъ > южнопсков. *ватирь*, в котором *и* происходит из эпентетического *ѣ (см. ниже), также говорит о появлении вставных еров в эпоху падения редуцированных³⁷.

Как сказано выше, переход *ъ > *ы/з*, *ь > *и* происходил не перед любыми мягкими сонантами, а только перед йотированными – как перед праславянскими, так и перед заново возникшими. Развитию *ъ > *ы/з*, *ь > *и* перед ареальными *nĭ, *lĭ, *rĭ и *vĭ были подвержены как исконные гласные, так и вторичные (эпентетические). Напротив, эпен-

---

но с процессом падения слабых редуцированных (неконечных), либо с небольшим отставанием от него. Более вероятно второе» (Зализняк 2004а: 66).

³⁵ Впрочем, *геонегоне* можно трактовать и как [геон’егон’] с фонотактической субституцией *о* ⇒ *е* после мягкого согласного.

³⁶ Укр. *-к* происходит из косвенной основы: *мозг*- > *мозк*- (Р. *мозку*), ср. *дош*, Р. *дошч* < *dъžъ.

³⁷ Кажущимся исключением является укр. *вісім* ‘восемь’ (праслав. *ošmь), однако эта форма возникла в результате контаминации др.-рус. юго-зап. *исмь* [ošmь/цoсмь] и *сьмь* [sĕmь] ‘семь’ с удлинением *о и *е в «новозакрытых» слогах. Рус. *восемь* в свою очередь восходит к сев.-вост. *исмь* [ošmь/цoсмь] < *ošmь с удлинением под «восходящим» ударением.

тетический *ъ* в рефлексе праслав. *ognь > *огнь* (*i*-основа) в псковских говорах не переходит в *з/ы* (ПОС 23: 524–528). Также в них не отмечен переход *ь > *и* перед не йотированными сонантами, в частности, не отмечено «*динь*» на месте праслав. *днь (ПОС 9: 23–27). Объяснение этому – в псковско-смоленском ареале в эпоху приобретения *ъ и *ь особой окраски перед йотированными сонантами в рефлексах *днь, *огнь и т. п. присутствовали «полумягкие» позиционные аллофоны твердых сонантов, которые в дальнейшем совпали с йотированными как в псковском, так и в остальных восточнославянских диалектах³⁸.

Нужно отметить, что в псковских говорах перед первичными и вторичными йотированными сонантами преобладают заимствованные «общерусские» рефлексы (подударные *ъ > *о*, *ь > *е*). Рефлексы *ы*, *з* и *и* из *ъ и *ь встречаются в настоящее время лишь в отдельных словах, которые сохранили диалектную фонетику благодаря лексикализации.

Ниже приводится материал.

1. Только *-ы-* (> *и* после *з*) в бессуффиксальной основе *gъljь > *gъljь > псков. *гиль* ‘глиняный или чугунный рукомойник’ Оп. (ПОС 6: 162) – «старое *л*. Также в диминутивной основе *gъljькъ > *gъljькъ, косв. *gъljьк- ‘вид сосуда (обычно умывальник)’: *гилѣк* Н.-Рж. (ПОС 4: 183), Пуст. (4: 53), Оп. (6: 20), Сер., Остр., Палк. (6: 161), Остр. (6: 162), *з гилька́* Палк. (6: 160), *гылѣк* Гд. (6: 161), *гилькі* Сер., Остр. (6: 161), *з гилька́* Палк. (6: 162), псков. *гилѣк* ‘рукомойник (обычно глиняный)’ (СРНГ 6: 171), также новг. *гилѣк* ‘глиняный умывальник с носиком’ (НОС₂: 161). Наверное, вторично псков. *гилѣк* Нов. (ПОС 6: 162). Сохранение слабого редуцированного в первом (открытом) слоге диминутива объясняется выравниванием парадигмы *глѣк, *гылъка (< др.-рус. *гълѣкъ*, *гълъка*). Ср. др.-рус. *гълѣкъ*, *глѣкъ*, *гълѣкъ*, Д. мн. *гълѣкомъ*, М. мн. *въ гълѣцѣхъ* и т. п. (Аникин РЭС 10: 218–219); укр. *глек* (вторична огласовка косвенной основы: Р. *глекá* вместо регулярного *голькá) ‘кувшин’ (Грінченко 2: 288); рус. новг. *глек* ‘глиняный кувшин; глиняный умывальник с носиком’ (НОС₂: 13), диал. *глѣк* и *глек* ‘глиняный кувшин; горшок с носиком; глиняный рукомойник; жестяная посуда для керосина’ (СРНГ 6: 195).

2. В топониме *smolъnjьскъ > *smolъnjьскъ, косв. *smolъnjьsk- («старое» *n*) > *Смолиньскъ* (*Смолинескъ*), *Смолиньска*.

³⁸ «[В] рукописях второй половины XIII – XIV в. палатальные сонорные перестают обозначаться вообще либо обозначаются в отдельных случаях. Таким образом, исчезновение палатальных сонорных как отдельных фонем относится, скорее всего, к концу XII – началу XIII в.» (Галинская 2015: 113).

Развитие *ѣ > и перед исконно йотированными сонантами, по-видимому, было известно и южнокривичским (смоленским, древнетверским) говорам. А. А. Зализняк сообщил автору настоящей статьи, что «уже с XIII в. отмечается и в словоформах *Смолинська*, -у, -ѣ... Название Смоленска происходит от речки Смольня, т. е. здесь было *nj. Раньше всего *Смолинська*, -у и т. д. встречается в Договоре неизвестного смоленского князя с немцами (1-я четв. XIII в.). В XIV в. могу указать Лаврентьевскую летопись (например, в «Поучении» Владимира Мономаха очень часто). Весьма вероятно, что этот вариант возник где-то неподалеку от самого Смоленска, может быть, в самом Смоленске» (Николаев 1988: 125).

Материал:

А. Договор неизвестного смоленского князя с немцами 1-й четв. XIII в. (рукопись 1223–1225 гг.; строки указаны по [Смол. гр.: 10–18]): *смолинъскѣ* 42, 71, *смо|линъскѣ* 47–48 наряду с Р. *смольнѣска* 50, М. *смольнѣскѣ* 20, *смоленѣскѣ* 36, 55, 59, 65, 74, 76, *смольнѣскѣ* 40, 49, 63, Д. ед. *смольнѣскомоу* 59.

Судя по чередованию написаний *Смоленск-/Смольнѣск-/Смольнѣск-* (эффект *e=ь=ѣ*, свойственный этой грамоте) и *Смолинск-* в этом документе, в диалекте писца на месте *ѣ произносился звук, промежуточный между [i] и [e] – предположительно [i].

Б. Лавр.: И. *Смолинѣскѣ* 546, 123а; Р. *Смолинѣска* 566, 3× 81а, 81б, 100б, 102а, 114б, 118б, 136б, 140а, 143б, 154а; Д. *Смолинѣску* 2× 76а, 76б, 85б, 2× 81а, 3× 82а, 101а, 103б, 106б, 2× 115а, 123а, 145а, 146б, *Смолинѣскѣ* 258б, *Смолинѣску* 85б, 106а, 2× 115а; М. *Смолинѣскѣ* 3× 55а, 66б, 76а, 81б, 140б; прилаг. И.-В. ед. *смолинѣскѣи* 118б, 140б, В. ед. ж. *смолинѣскую* 117б.

В. Существенна форма *Смолинѣска* sub 1196 г. в составе Суздальской лет. в Радзивилловской и Московско-Академической летописях, протограф которых текстуально близок к Лавр. В Ипат. эта огласовка не отмечена.

За. *одѣльѣ > *odĕljĕ ‘одонье (низ стога), стог (сена)’³⁹ – «новое» nj.

А. Рефлекс *ѣ > з после твердых согласных⁴⁰:

Материалы ПОС: *адѣньѣ* Кр. (4: 129), *адѣньѣм* Палк. (3: 148), *адѣньѣ* Кр. (1: 43), Палк. (1: 56), *адѣньѣ* Пушк. (2: 172), *адѣньѣ* Печ. (2: 178), *адѣньѣ* Пушк., Кр. (3: 103), Сл. (3: 106), *адѣньѣю* Остр. (3: 109), *адѣньѣм*

³⁹ См. также ДАРЯ III, карта 51.

⁴⁰ Эта огласовка проникла в формы, в которых -е- этимологически не мотивировано: *адѣна* (Печ., Пск.), *адѣньчик*, *адѣзнак* (Печ.).

Палк. (3: 148), *адэнье* Кр. (4: 129), Оп. (5: 68), мн. *адэнья* Остр., в *адэнья* Пыт., *адэнья* Пушк., *адэнье*, *адэньям* Оп., *одэнье* Аш., Беж., Дед., Кр., Н-Рж., Палк., Пск., Пуст., Сл.; *адэнье* Оп., *адэнья* Сл., *одэнье* Кр., Н-Рж., Пушк., в *адэнья* Пуст., *одэнье* Оп., Палк., *адэнья* Остр., *одэнье* Печ., *адэнья* Оп., вин. в *адэнью* Остр., Пыт., на *адэнью* Кр., *адэнья* Печ., *одэнья* Пушк., *адэнью* Остр., в *одэнья* Н-Рж., Оп., Сл., *адэнья* Порх., *адэня* Пск., Кр., в *адэни* Остр. (23: 77–79). С метатезой: на *адэйну* Остр., мн. *адэйни* Остр., *адэйня* Остр., Пыт., Палк., *адэйню* Оп., *пад адэйнем* Палк., *одэйна* Кр., Сош., Палк., *одэйне* Кр., *адэйня* Остр. (23: 77–79)⁴¹. Материалы ДАРЯ: *адэн’је* С.-3. 176, *адэн’ја* С.-3. 177, *адэн’ја* 178, *адэн’ји*, 189, *адэн’ја* 190, *адэн’ја* 191, *адэн’ја* 192, *адэн’је* 195, *адэн’jem* 196, *адэн’а* 202, *аден’јо* 203, *одэн’ја*, в *адэн’ја* 204, в *адэн’ја* 206, *аден’ја* 213, *адэн’ја*, *адэн’јам* 220, *адэн’ји* 223, *адэн’је* 224, *адэн’је* 225, *адэн’је* 227, *адэн’јо*, *адэн’ја* 228⁴²; мн. ч. *адэн’яа* Зап. 4, *адэн’йе* 5, *адэн’н’а* 6, мн. *адэн’яа* 10, *адэн’йъ* 12, *адэн’а* 14, *адэн’яа* 17, *аден’яа* 33, *адэн’йе* 34, *адэн’яа* 35, *адэн’йо* 37, *адэн’яа* 39. С метатезой: *адэјну* С.-3. 191, *адэјн’а* 198, *адэйн’а* Зап. 1, *адэйн’а* 2, *адэйн’а* 3, *адэйн’а* 8.

Б. Рефлекс *ѣ > ѡ: *адынъя*, *адынъя* Печ. (ПОС 3: 131), мн. *адынья* Оп., мн. *адыньи* Пушк., ед. *адынъя* Остр., *адынье* Оп., *пъд адыньем* Кр., мн. *адыньи* Кр. (23: 76), вин. ж. *адыню* Остр., ж. *адыня* (23: 76–79)⁴³, МДАРЯ *адын’е* (д. Патрово Псковского р-на)⁴⁴.

Следующие псковские формы с мягким -д’- формально восходят к основе *одьп- < *одьп-, хотя нельзя исключать и вторичного смягчения согласного: *адэнья* Пуст. (ПОС 5: 144), *адэнья* Беж., в *адэнья* Печ., к *адэню* Палк., *одэнне* Остр., мн. *адэнья* Остр., *одэнье* Кар., Кач., Кр., Н-Рж., Оп., Остр., Порх., Пск., Пуст., Пушк., Сл., Сош., в *адэнье* Порх., *адэнье* Оп., *адэнье* Н-Рж., Пск., *одэнье* Кр., Пск., Пуст., в *адэню* Пыт., *одэнья* Кр., Остр., Палк., Порх., *адэньи* Пушк., в *адэни* Палк., в *адэне* Остр., *одэнье* Кр., Пск., Пуст., *адэньицэ* Н-Рж., *одэньице* Остр., *одэнице* Дед., Н-Рж. (23: 77–79); *ад’эн’и* (мн. ч., видимо *одэньи) С.-3. 179, *ад’эн’ја* 183, *ад’эн’ја* 187, *ад’эн’ја* 199, ед. *ад’эн’а* 200, *ад’ен’јо*, *од’эн’је*

⁴¹ Производные: *одэньицэ-то* Аш., *адэньишиина* Н-Рж., *адэньишиэ* Пушк., Кр., Остр., *нъ адэньиши* Кр., *адэньишына* Н-Рж., *одэничка* Стр., *адэниши* Пушк., Остр., *адэнишиа* Сл., Аш., *адэнишиче* Палк., *одэниче* Аш., Кр., Пуст., Сош. (ПОС 23: 77–79); ед. *адэйнишиа*, мн. *адэйнишиы* Кр., *адэйнишиэ* Остр., *одэйниче* Пыт. (ПОС 23: 77–79).

⁴² Также производное *адэн’ишишь* ‘подкладка из сучьев под стог’ Зап. 48, *адэнища* С.-3. 245.

⁴³ И производное *адыниши* Локн., *адынишиа* Н-Рж. (ПОС 23: 76–79).

⁴⁴ По аналогии с этими образованиями мн. *адынки* Стр. (ПОС 23: 76).

207; *вад'ен'я* Зап. 6, *вад'энии* 9, *ад'ен'я* 11, *ад'ен'я* 32, *ад'ен'ий* 27, *ад'ен'ий* 28, *ад'ен'я* 31 (МДАРЯ). Ср. также *адэнак* Печ., *адэньк* Оп. (ПОС 23: 77–79).

Основа **дън-* < **дън-* распространена в «ростово-суздальском» ареале – в северо-восточных, восточнорусских и сопредельных говорах: яросл., тул., твер., арханг. *одэнок* ‘остаток сена, соломы, хлеба на месте стога, скирды’ и волог., иван., вят. мн. *одэнки*, волог. *одэнок*, волог. *одэнок* ‘гуща, осадок на дне сосуда от масла, кваса и т. п.’ (СРНГ 23: 12–13); влад., нижегор., волог. *дэнце* ‘доска для укрепления гребня в самопрялке и для сидения при работе, донце’; костром., влад., яросл. *дэнышко* ‘донышко’ (7: 351–353) и т. п. (Николаев и др. 2013: 129). Аналогичный рефлекс известен из других восточнославянских языков: укр. *дэнце*, белор. *дээнца* ‘донышко’, укр. *одэнок* ‘стог сена’, *одэнки* ‘остатки на дне, подонки’, белор. *адзэнак* ‘подстожье, подстожник’ и др. (ЭССЯ 26: 173).

Форма *од'ен'jo* и ее фонетические варианты, которые неверно трактуются как «кривичские» в (Николаев 1988: 124 и карта 3), распространены в компактном восточнорусском ареале трапециевидной формы, углы которого расположены примерно в Александрове, Касимове, Арзамасе и Иванове. Формы с дальнейшим развитием *ь > *ь > *i* распространены приблизительно в центре этого ареала: *од'инье*, мн. ч. *од'инья*, *од'иньи* Вост. 88, 116, 308, 312, 343, 346, 408, 748; *од'ин'jo* 72; *од'ин'я* 92; *од'ин'я* 112; *од'ин'я* 342; *ад'ин'я* 345; *од'ин'ju* 352; *од'ин'я* 404; *од'ин'ий* 409 (МДАРЯ). Скорее всего, эти формы возникли благодаря переходу [e] > [i] между мягкими согласными (д[и]вять, п[и]нь и т. д.), который спорадически встречается в русских северных, восточных и юго-восточных говорах и образует компактные ареалы восточнее Твери и к востоку от Ветлуги (ДАРЯ I, карта 41). Он не отмечен в новгородских, селигеро-торжковских, псковских, смоленских и юго-западных говорах (за исключением единичных пунктов Сев. 526 к северо-западу от Селигера и Зап. 690 близ Рославля).

? 36. *дънja > **dъn'ja* – «старое» *ni*.

По предположению А. Е. Аникина (РЭС 15: 192), к *дънja ‘то, что относится ко дну лодки’, возможно, восходят арханг. мн. *дъни* ‘отверстия в ребрах (упругих) карбаса для стока воды в льяло’ (СРНГ 8: 296), *опруги привязывающя дънями* (в лодке) (АОС 12: 443), ю.-краснояр. *дъня* ‘ребро в дне лодки, куда крепятся шпангоуты’ (Аникин 2000: 193). «При обычной рефлексации ожидалось бы *дбня (см. *едоня* [‘подклад, подстилка под скирд, зарод’ арханг. СРНГ 8: 323 с неяс-

ным е-⁴⁵). Знач[ение] ‘отверстия в ребрах карбаса...’ возникло по метонимии из ‘ребро в дне карбаса’. От знач[ения] ‘ребро карбаса’ могло развиваться *дЫня* ‘длинная жердь, доска с выемками в верху хлева’ и ‘высокий, крупный человек’ (м. и ж.) арх[анг]. (АОС 12: 443), ‘жердь, к которой привязывают скот’ низовья Печоры (СлНПеч I: 195). Не исключена связь с *дЫнька* ‘отверстие в болте’ твер. (СРНГ 8: 296)» (Аникин РЭС 15: 192). Сохранение слабого -ѣ- под новым акутом в *ја*-основе *дЫня* < *dЫnja аналогично сев.-зап. и сев. *тѡча* ‘домотканое полотно, ткань и т. п.’ (СРНГ 44: 303–304) < *tЫѣja.

4. *ostrъvъje > *ostrъvъje ‘приспособление для просушки сена, козлы’⁴⁶ – «новое» *vj*.

А. Рефлекс *Ъ > з после твердого *p*: в *астрѣвьях* Пушки. (СРНГ 24: 77)⁴⁷.

Б. Рефлекс *Ъ > ы: *астривьѣ* Пуст. (ПОС 3: 17).

Рефлекс *Ъ > ы отражен во втором слоге «второго полногласия»:

5. Псков. *малы́н'ѡа* (МДАРЯ, д. Заборовье Гдовского р-на Псковской обл.); Гд. *молыньѡа*, Себ. *малыньѡа* (ПОС 18: 334)⁴⁸ < *mъlъnъja < *mъlъnъja – «новое» *nj*.

⁴⁵ Созвучное южнорусское (орл., ворон., тамб.) *одѡня* ‘укладка снопов хлеба, сена (или соломы) для хранения’ (СРНГ 23: 61) восходит к *odъnъje.

⁴⁶ Образование от слав. *ostrъvъ, Р. *ostrъvъe — ср. рус. диал. *островь*, слвц. *ostrva*, слвн. *ostřv* и т. д.

⁴⁷ Формы с мягким *p*: *астрѣвье* Кр. (ПОС 5: 24), *астрѣвья*, мн. *астрѣвья* Остр., *астрѣвьѣ* Оп., *астрѣвья* Кр., Аш., мн. *стрѣвья* Остр., *астрѣвьѣ* Пск., *вастрѣвьѣ* Оп., *острѣвье* Беж., Пушки., Пыт., *острѣвьѣ* Палк., на *астрѣвьи* Палк., в *астрѣвье* Пыт., *астрѣвьѣ* Нев., на *вастрѣвьи* Сош., мн. *вастрѣвья* Кр., мн. в *астрѣвья*, в *астрѣвьях* Беж., мн. *астрѣвья* Остр., *острѣвье* Дед., Локн., Н-Рж., Оп., *острѣвьѣ* Кр., Себ., вин. в *острѣвье* Кр., Себ., *астривьѣ* Себ., в *астривьѣ* Оп. (ПОС 23: 439–440), псков. великолук. мн. *стрѣвья* ‘сучковатые палки, поставленные в ряд или соединенные вершинами в виде шалаша, на которых сушили снопы овса, ячменя или стебли гороха’ (СРНГ 41: 302). Судя по формам, в которых редуцированный не предшествует йотированному сонанту, формы с мягким -*p*'- восходят к корню с вторичным -ѣ- на месте -ѣ- (*ostrъvъ- > *острѣvъ-*): ср. на *астрѣвцѡх* Пушки., *астрѣвина* Кр., *астрѣвина*, вин. *астрѣвину* Беж., две *астрѣвины* Оп., *стрѣвина* Нев., *астривина* Пушки., *астрѣвина* Палк., *острѣвина* Остр., Пыт., Себ., *острѣвина* Кар., Остр., Палк., Холм., вин. *астрѣвину* Кр., *астрѣвинки* Остр., мн. *астрѣва*, род. *астрѣвин* Себ. (ПОС 23: 439–440).

⁴⁸ Псковские формы *молыньѡа* Аш., Стр., *молыня* Остр. (ПОС 18: 334) неоднозначны, так как в них -ѣ- могло возникнуть из *o* в заударном слоге (ДАРЯ I, карта 16).

6. Новгородские и смоленские топонимы с основой *холын*‘-, восходящие к *хълѣмъ > *хълѣнѣ, *захълѣнѣ («старое» *n*) и *хълѣмъ ~ *хълѣмъје > *хълѣнѣје, *захълѣнѣје («новое» *n*) с северо-западным развитием *m(l)j > *n*(j) (Зализняк 1988: 65–66): новгородские топонимы (в писцовых книгах начиная с XV в.) д. *Захолынье* на устье Северы (Васильев 2012: 485), д. *Захолынь* Ярцевского р-на Смоленской обл., д. *Холыни* в Околорусье, д. *Холынья* в дельте Мсты, р. *Холынь* (левый приток Волхова), р. *Холынья* (левый приток Полисти), *Холыня* (левый приток Ловати) и др. (Васильев 2012: 236, 360, 391, 465, 485, 550)⁴⁹.

Рефлексы эпентетических *ѣ > *ы* и *ѣ > *и*:

7. Переход эпентетического *ѣ > *ы* отмечен в северо-западных топонимах *Подсо́сные* < *rodъsosъnѣ < *rodъsosnѣ в Максатихинском и Ржевском р-нах Тверской и Гдовском р-не Псковской обл.

8. Переход эпентетического *ѣ > *и* наблюдается в южнопсков. (или северосмол.) *ванірь* ‘кабан’ Тор. (ПОС 3: 77), восходящее к слав. *vergъ⁵⁰ > *vergъ > *verѣгъ со «старым» *n*; *ва-* в первом слого формы возникло из *в’а-* с последующим отвердением, ср. рус. юго-зап. *ванёръ* (МДАРЯ Ю. 6), *ванёр* (Ю. 7), белор. диал. *ван’ёр* (Витебская, Могилевская обл. – ДАБМ, карта 188).

Из списка в (Николаев 1988: 123), вероятно, нужно исключить псков. *вдыль* Гд. (ПОС 3: 55 (5×)) ‘вдоль’, *падыльше* ‘подольше’ Гд. (З: 172), также псков. *ды́ле*, *ды́ля* ‘дале, дальше’, *дыль* ‘даль’, *дыльный* ‘далекий, дальний’, *дыльше* ‘дальше’ (СРНГ 8: 291–292). Псковск. *вдыль* скорее восходит не к *vъ dѣljъ < *vъ dьljъ (с меной *ъ > ѣ), а к *vъ dylъ (как и сrb.-хрв. *dilj* ‘даль’, словен. *vdilj* ‘непрерывно’, чеш. *dyl* ‘длина’ – вопреки ЭССЯ 5: 201, где ошибочно реконструируется *dyль без *-j-*). Хотя, конечно, псковское развитие *vъ dьljъ > *vъ dѣljъ > *вдыль* именно в значении ‘вдоль’ не исключено.

Также нерелевантно *вишэня* ‘вишня’ (Николаев 1988: 124) – последняя форма восходит к *višъnja со слабым *-ъ-*, в дальнейшем восстановленным по Р. мн. *višъnjъ и coll. *višъnъje. Об этимологии слова и производных см. (Аникин РЭС 7: 283–287).

⁴⁹ Ср., с одной стороны, новгородские топонимы *Захолмие*, *Захолмье* (с «общерусским» рефлексом) и, с другой стороны, *Захонье* (с северо-западным) (Васильев 2012: 763), оба из *захълѣм(j)ѣ без «второго полногласия». Есть также *ТръГ*-рефлекс в псков. мн. *хломкі*, волог. *хломок* ‘кочка на болоте’, псков. *хломья* ‘кочки на сенокосном лугу’ (СРНГ 50: 231).

⁵⁰ Балто-славянская *jo*-основа, ср. вост.-балт. *verp(i)ja- в лтш. *vepris* ‘боров’, лит. топониме *Vėpriai*.

В (Николаев 1988: 128) *-е-* в ряз. *керьь* ‘селение, деревня, выселок’ (СРНГ 13: 190 – вероятно, первоначальное значение ‘корчевье’) трактуется как восходящее к *ъ – *kъgъjъ < *kъgъjъ (ср. ряз. *корьь*, Р. *кря* ‘корень; селение, деревня, выселки’; моск. ‘островок, поросший лесом; высокий кустарник’ [СРНГ]; зап.-рус. Гаврилово Торопецкого р-на *корьь* ‘коряга’ [МРЭ]). Однако более вероятно, что *керьь* восходит к *кърьь* с диалектным рефлексом *ъ > ь после велярных: др.-рус. *скърбрь* / *скербрь* ‘скорбь’ и производные (СДРЯ II: 255–259; Шевелева 1996: 53) – ср. др.-рус. *скърбрь*, рус. *скорбь*; *керста* ‘гроб’ (Срезн. I: 1206), арханг. *керста* ‘могила’, олон. ‘гроб’ (СРНГ 13: 189) – ср. др.-рус. *корста* / *кърьста* и т. п. ‘гроб’ (Срезн. I: 1411).

III. ЕЩЕ РАЗ О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ДИАЛЕКТНОМ РАЗВИТИИ *TORT

Этой теме посвящен раздел в (Николаев 1988: 123–124), о северославянском аспекте (Николаев 2015).

Северо-западный рефлекс *ы/э* во 2-м слоге полногласия

1. Псковский рефлекс *bolъnje > *bolъnje ‘болотистое место’ с «новым» *nj*.

А. Рефлекс *з*: **bolъnje*⁵¹ > псков. *балъньи* мн. Н.-Рж., М. мн. в *балъньях* Н.-Рж. (ПОС 2: 87), в производном прилагательном *болъни бегрегá* Н.-Рж. (2: 87), *балънная сэна* (2: 87). Рефлексы префиксального *obolъnje: псков. *оболънье* ‘низкое, заболоченное сенокосное угодье, заливной луг’ Пуст., Оп., Остр. (ПОС 22: 292); [абалън’je] Оп. (Рогаткино, Макушино), Остр. (Надеждино). Также со смягчением предшествующего согласного: [в абалън’jах] Кр. (Треньки) ‘низкий сырой луг, покос’ (Мжельская 1962: 21); неясно, с мягким или твердым *-л-*: псков. *оболънье* ‘низкое, болотистое место, где растет плохая трава’ (СРНГ 22: 163).

Б. Рефлекс *ы*: *bolъnje > псков. *балънья* ‘выгон’ Себ. (ПОС 2: 87), Мелехово Бож. *балънья* ‘выгон’ (С. Тарасов, личное сообщение), также *obolъnje > псков. *оболънье* ‘топкое, низменное место’ (СРНГ 22: 170).

Эти рефлексы указывают на звук типа *ъ в качестве второго вокалического компонента полногласного сочетания. Рефлексы «вставно-

⁵¹ ЭССЯ 2: 178–179.

го о» в *болѣнье*, *болѣнье* < *bolĕnĭje < *bolnĭje идентичны рефлексам «напряженных» *ĕ, *ĕ в *одѣнье/одѣнье* < *odĕnĭje < *odĕnĭje, *Смолинскъ* < *smolĕnĭjskĕ < *smolĕnĭjskĕ.

Рефлекс *ы/з* не отмечен в псков. и смол. *болѣнь*, *оболѣнь* (СРНГ) < *bolnĭ, *obolnĭ, поскольку в них «второе о» полногласия предшествовало смягченному, а не палатальному [nʲ].

Вероятно, в этом же ряду находятся следующие формы, известные из северо-западных («псковско-новгородских») говоров и говоров вторичного заселения:

2. В. ед. *за скорыню* ‘щека’ ЖАЮ XI в.: ВМЧ, Окт 1–3, 133а, список XVI в.; В. мн. *скорынѣ* и Домостр., л. 113а, XVI в.; М. ед. *на скорыньѣ* АЮБ II, л. 38а, 1689 г.; И. мн. *скорыньи* Леч. III, л. 89а, XVIII в. (СлРЯ XI–XVII 25: 6); яросл. *скорынья* ‘нижняя челюсть (человека, животного)’ (СРНГ 38: 109), также астрах. *скорынья* ? ‘челюсть’ (Даль IV: 213) < *skoĕnĭja с «новым» *nĭ* < *skoĕnĭja (ср. др.-рус. *скоронь*, *скоронитя* ‘висок’, словен. *skrānj*, *skrānja* ‘подбородок, скула, челюсть’ и т. д.).

3. Диалектные рефлексы подударного и предударного гласного во 2-м слогe полногласия в *rolnĭja > *rolĕnĭja и более редком *rolnĭj > *rolĕnĭ ‘свободное ото льда место, участок прозрачного льда, озерцо на болоте и т. п.’⁵² – ср. диал. значения *пѣлый* ‘свободный ото льда, незамерзший; обнаженный; распахнутый настезь; ничем не заслоненный, доступный взору; открытый (о море) и т. п.’:

*rolnĭj > *rolĕnĭ > перм. *пѣлынь* ‘попынья’, псков., осташк. *пѣлынь* ‘о высоком уровне жидкости в сосуде, воды в реке’, *rolnĭja > *rolĕnĭja > псков. *пѣлыня* ‘попынья’ (СРНГ 29: 177–178), также в 1-м предударном слогe, большинство примеров из псковских, северо-западных и северных говоров: медвежьегорск. *пѣлыньѣ* ‘попынья’, арханг. *пѣлынья* ‘прорубь’ (также сарат. ‘прорубь; место на реке, озере с выступившей поверх льда водою’), амур. ‘расчищенное на льду место для молотыбы’, псков. ‘озерцо на болоте’, волог., яросл. ‘проезд, проход в изгороди’, забайкал. ‘вытертое шлеей место на ляжке лошади’ (также рус. литер. *попынья* ‘попынья’), псков., осташк., твер., Лит. ССР, Латв. ССР *пѣлыня* ‘попынья’, псков. ‘окно на болоте’, также псков., осташк. *пѣлынища* ‘большой разлив реки’ (СРНГ 29: 174–178) – наряду со «стандартным» полногласием в *rolnĭj > арханг., дон. *пѣлѣнь* ‘попынья’, *rolnĭja > во-

⁵² Сюда же словен. *plānja* ‘eine offene, freie Fläche’; праслав. *rolna (> болг. диал. *плана* ‘гора’), *rolnina ‘вершина горы, не покрытая лесом; горное пастбище’ (> укр. *полонина*, болг. *планина* и т. д.); *rolnĭ ‘пустой, голый’ (> чеш. *planý*, польск. диал. *plony*) и др.

лог., псков., беломор., также перм., ср.-урал., зап.-сиб., иркут., краснояр. *полонья* ‘попынья’, арханг. ‘прорубь’, арханг. *пóлонья* ‘попынья; прорубь’, псков. *полонья* ‘участок прозрачного, светлого льда’, ряз. *полоньей, полоньями* ‘местами. полосой’, также *polńje > дон. *полоньё* ‘попынья’ (СРНГ 29: 113).

В дополнение к первично и вторично йотированным согласным, из северо-западных и производных от них русских говоров известен ы-тембр «второго о» в полногласиях в заударных слогах перед [tʲa], восходящим к ранне-др.-рус. *tʲä < праслав. *tę (Николаев и др. 2013: 111; 123–126⁵³):

4. Беломор. *гóлымя*, арханг. *голымя́* ‘открытое море’, арханг. *гóлымя, голымя́*, сев. *голымя* ‘далеко от берега’ (СРНГ 6: 321)⁵⁴ < *golʲmʲa < *golʲmʲä < *golmę от того же корня что *гóлый* (см. диалектные значения в СРНГ 6: 346)⁵⁵.

5. Рефлексы *polmę > *polʲmʲä > *polʲmʲa: рус. сиб. *пóлыньи* ‘языки пламени; огни’, уфим. *пóлымь* ‘пламя’ (СРНГ 29: 176, 178), владим., великоуст., пошех. *пóлымё* ‘пламя’ (Шахматов 1915: 159), также белор. *пóлымя* ‘пламя’⁵⁶. Ср. нижегор., курск. *пóломя* (СРНГ: 29: 111) и укр. диал. *пóлом’я* ‘пламя’⁵⁷. Нерелевантны формы из южнорусских акающих говоров (с вероятным ы < ъ < о при диссимилятивном аканье) – брян., ворон. *пóлымя* ‘огонь’, орл. *пóлымье* ‘пламя’ (СРНГ 29: 176).

6. Арханг. *шóлымя* ‘возвышенная середина гумна’ (Шахматов 1915: 159) < *selʲmʲa < *selʲmʲä < *selmę – ср. др.-рус. *за шеломянемь*

⁵³ Современная северная изоглосса *Pja* < ранне-др.-рус. *Pjā < праслав. *Pę проходит по линии Барановичи – Слуцк – Бобруйск – Гомель, однако в раннедревнерусскую эпоху этот рефлекс, по-видимому, был характерен для всего запада (включая смоленско-полоцкий, псковско-новгородский, верхневолжский диалекты).

⁵⁴ Также с вокализмом, заимствованным из *golmę, арханг. *голымёнъ* ‘глубокая вода’ (6: 319) – рефлекс основы м. р. *golmy, -тене.

⁵⁵ Нерелевантны адвербиализованные формы из говоров с аканьем: орл. *голымя́* ‘давно’, дон. *гóлымя* ‘рано утром’ (СРНГ 6: 322) наряду с диал. *гóломя, гóломья, гóломья́* ‘недавно, рано, долго и т. п.’ (СРНГ 6:321) также из *golmę (Аникин РЭС 11: 147).

⁵⁶ Вероятно, северо-восточная («кривичская») форма – ср. диал. *пóломё* (Носович: 462).

⁵⁷ В подавляющем большинстве украинских диалектов *пóлом’я, пóломня, пóломе* (ЕСУМ 3: 504), также литер. и диал. *пóлум’я* ‘пламя’ с заударным -у- < -о-, ср. *пáрубок* < *paogbъkъ. Отклоняются только *пóлимня* в говорах южной Буковины (Леонова 1958), *пóлимья* (наряду с заглавным *пóломья*) в словаре П. П. Билецкого-Носенко (1966: 290) и фонетически неясное *полім’я* в словаре Б. Гринченко (3: 284).

‘за холмом’ («Слово о полку Игореве»), арханг., вят. *шóломя* ‘горка, пригорок, холм, курган или взлобок, лобное место, возвышенность’ (Даль IV: 462) с *ш-* по аналогии с *шелом* ‘шлем’, ср. чеш. *slémě* и *sleme-no*, словац. *slemenno* ‘горный хребет’, срб.-хрв. *sljěme* ‘вершина горы. В восточнославянских языках рефлексы *selmen- ‘стебель, ствол, бревно’ находятся в тесной контаминации с рефлексами *selmen- ‘возвышенность’ и *šelmъ ‘шлем’, что не позволяет доподлинно установить происхождение форм с «промежуточными» значениями.

7. В этом же ряду, вероятно, находятся сев.-двин. *солы́менный* ‘соломенный’ < *solǫmʹan- < *solmęn- и (под влиянием *солы́менный*?) *солы́мина* ‘соломинка’ (СРНГ 39: 308), ср. ставроп. *соломя́нный* ‘соломенный’, яросл. *соломя́нник* ‘небольшая пристройка ко двору с соломенными стенками, где трепали лен’ (СРНГ 39: 296).

Рефлексы *ТроТ*, *ТреТ*, *ТлоТ* и *ТлеТ*

Сходные с лехитскими рефлексы *ТроТ*, *ТреТ*, *ТлоТ* и *ТлеТ* («*ТроТ*-рефлексы») в древнерусских рукописях и русских диалектах отмечались уже давно. Объяснение А. А. Шахматова (1915: 155–156), который считал такие рефлексы польским влиянием или орфографическим приемом (*ро*, *ло* на месте *ра*, *ла* из контаминации с полногласием), судя по всему, устарело. Накопился весомый материал из рукописей (включая берестяные грамоты) и диалектов, который ставит под сомнение как внешний источник восточнославянских *ТроТ*-рефлексов, так и их «орфографическое» происхождение. Возобладало мнение, что «*ТроТ*-полногласие» – хотя и маргинальный, но регулярный древнерусский рефлекс праслав. *TORT (Зализняк 2004а: 40–41; Колесов 1980: 69–75; Крысько 1998: 84; 2003: 345; Шевелева 1995: 91–92; 1996: 55–59; 1997: 26–27; 2001: 187–191; 2007: 279–280).

Многие древнерусские тексты (и/или их протографы) с *ТроТ*-рефлексами по большей части приурочены к древнерусскому Северо-Западу, также и диалектные *ТроТ*-рефлексы распространены в русских северо-западных (псковских и новгородских) и производных от них северных говорах, для которых не характерны заимствования из польского. Некоторые слова с *ТроТ*-рефлексами не имеют этимологически тождественных польских соответствий. Такие формы, как *млочный* ‘молочный’, *слома* ‘стропило’, имеют восточнославянский рефлекс *TelT > *ToIT > *ТлоТ* – в отличие от польск. *TleT*.

Разумеется, отдельные слова с *ТроТ*-рефлексами из рукописей и диалектов могут оказаться фиктивными (описки, ошибочные тран-

скрипции, печатки), однако примеры, в которых представлено по несколько рукописных и/или диалектных форм, вполне можно считать доказательными.

Рефлексы *ТроТ*, *ТреТ*, *ТлоТ*, *ТлеТ* в рукописях
(включая берестяные грамоты)

Рефлексы *ТроТ*, *ТлоТ* на месте праслав. *ТорТ, *ТолТ/*ТелТ обнаруживаются в Радзивилловской летописи (XV в.), локализуемой на старовеликорусском западе (Смоленск?)⁵⁸:

1 (см. 30а). *грод*^о ‘город’, 100б, 137б, < *gordь ‘город’;

2 (см. 24а). *нездоровить* 3 ед., 76а, < *nesъdorviti, от *съdorgvъ ‘здоровый’;

3. *не броньше* имперф. 3 ед., 86а, < *borniti ‘оборонять’, ср. также *заброло* № 10, 17а;

4 (см. 9а, 11а, 31а). *вблок са* прич. ед. м., 105б, < *obvelkti ‘облечь, одеть’;

5 (см. 17б, 37а). *на злоты^х* М. мн. ср., 87а, < *zoltъ ‘золотой’.

В Радзивилловской лет. также отмечен редкий рефлекс *влод-*, *млод-* > *вод-*, *мод-* с утратой *-л-* после губных сонантов, известный и из диалектов:

6. *Водимерь* 46б; *Водимерь* 71а; *Водимерь* 71а (с выносным *-ло-*, надписанным позднее другими чернилами); *Водимири* 148б = *Воло-*

⁵⁸ В Московско-Академической летописи (также XV в., до 1419 г., текстуально близкий вариант Радзивилловской) рефлексы *ТРоТ* отсутствуют. Список локализуется в «циркумполесском» ареале (юго-западная Беларусь, северо-восток Украины). На «циркумполесское» происхождение текста указывает сочетание мены *въ-/у-*, смешения предлогов/приставок *съ* и *из*, формы *мати* ‘иметь’ и развития *ТгъТ > *ТрыТ* (*заоутрыкати*). Для Московско-Академического списка характерна графическая взаимозамена *е* (*ь*) и *гъ*, иными словами, рефлексы праслав. *е (*ь) и *ѣ графически не различаются. При этом в рукописи практически отсутствует рефлекс *ѣ (*гъ*) > *і* («икавизм»), характерный для юго-западных белорусских и большинства украинских говоров, с одной стороны, и новгородского диалекта (resp. северновеликорусских говоров) – с другой. Характерны многочисленные рефлексы /*е*/ на месте праслав. *ѣ в безударной позиции вне зависимости от того, является ли последующий согласный твердым или мягким (*варези* / *варезы* = *váryzi* / *várygy*, *кладезя* = *kládzja*, *свезань* = *свѣзánъ*, *свезахъ* = *свѣзáxъ* и т. д.). О распространении этого явления в Полесье и сопредельном ареале см. (Николаев и др. 2013: 124). Согласно Ю. В. Шевелю, безударный рефлекс *ѣ > *е* (*нетá*, *нáметь*) встречается в говорах к северо-западу от Бреста и по Ясельде в Брестской области (Шевельов 2002: 183). Формы с безударным *е* < *ѣ нередки в староукраинских рукописях северной (полесской) локализации (Мойсієнко 2006: 207–228; Шевельов 2002: 184–185).

димирь / *Володимѣрь*. Диалектный пример на развитие *вло-* > *во-* см. ниже, № 32 (терск., калуж. *Восожары* = *Волосожары*).

7 (см. 32б). *модьи* 150а = *молодји* < *molǫdy ‘молодой’ – ср. ниже зап.-брян. *модѣца* ‘молодица, молодая замужняя женщина’ (СРНГ 18: 198).

Рефлексы *ТроТ*, *ТлоТ* известны из Ипат. и Лавр.⁵⁹:

8. *въ замрозъ*, ПВЛ в Ипат. 53б (= *въ заморозъ* в Лавр.), < *zamorzъ, от *mozъ ‘мороз’;

9. *люди плотьскыа* мн. ‘полочане’, ПВЛ в Ипат. 79б и Лавр. 71б, < *polťskъ, от топонимов *Полота* (река) и *Полотьскъ*; форма, восходящая к протографу ПВЛ в стихотворной легенде, вероятно, полоцкого происхождения (Николаев 2020: 89–90);

9а (см. 4, 11а, 31а). *совлокуть са* 3 мн., ПВЛ в Лавр. 3а, от *velkti ‘волочь’;

10 (см. 17а). *на заброльхъ* М. мн., Ипат. 257а (Галицкая лет.), 292а (Волынская лет.), < *zabordlo ‘крепостная стена’, от *borti, ср. также № 3 *бронаше* от *borniti.

Также рефлексы *ТроТ*, *ТлоТ*, *ТреТ* отмечены в других рукописях XI–XVI вв. преимущественно северо-западной и западной локализации (Зализняк 2004а: 40–41; Каринский 1909: 131; Колесов 1980: 73; Крысько 1998: 84; 2003: 345; Шахматов 1915: 155–156; Шевелева 1995: 91–92; 1996: 55–59; 1997: 26–27; 2001: 187–191; 2007: 279–280), при этом практически все тексты восходят к XI–XIII вв. Во всех этих рукописях (как и в рассмотренных выше летописях) не отмечена синкопа гласных во 2-м предупредном и заударном слогах (см. об этом явлении в диалектах ниже), поэтому «*ТроТ*-рефлексы» вряд ли могут быть фонетическими вариантами обычных «*ТороТ*-рефлексов»:

11. *влоди* М. ед., ЖАЮ, Сол. № 216, 106 (Шевелева 1996: 55), < *voldъ ‘волосы’;

11а (см. 4, 9а, 31а). *повлочи* 3 ед. аор., Син. пат. XI в., 57б (Шевелева 2001: 188) < *rovoldĭiti, от *velkti ‘волочь’;

12. *вробіє и щюри* мн., ЖАЮ по сп. XV–XVI вв., VII: 32 (Срезн. I: 316), < *vorbyĭ ‘воробей’;

13. *врожениемь, врожитъ*, Быт. XLIV, 5а, 15а, по рукописи Тр.-Серг. лавр. XIV в. (Шахматов 1915: 156), < *voržiti ‘ворожить’;

⁵⁹ Скорее всего *ТроТ*-рефлексы (кроме полоцкого по происхождения *плотьскыа*) попали в Ипат. и Лавр. по отдельности. Текст ПВЛ однозначно древнекиевский, однако Ипатьевский список локализуется в смоленско-полоцком ареале, протограф Лаврентьевского – в «ближнем северо-западном» (Тверь?).

14 (см. 50а). *предѣ вроты*, Син. пат. XI в., 1106 (Шевелева 2001: 188), < *vorta ‘ворота’;

14а (см. 3). *оброниша сѧ* ‘оборонились, защитились’, Син. пат. XI в., 35б (Шевелева 2001: 188), < *borniti ‘оборонять’;

15. *обротивше сѧ* прич. прош. мн., Яросл. сп. Панд. Ник. Черн. XII в. (Колесов 1980: 73; Шевелева 1996: 57), от *obvortiti ‘повернуться’;

15а. ст.-псков. (1697 г.) *он не смеие перет domnoiu не vrochnutze* инф. ‘пошевелиться’ (Fenne: 178), < *vogxnṗti ‘шевелить’, см. (Аникин РЭС 8: 273–274);

16. *оружиемь огродивъ сѧ* прич. прош. ед., Устав XII в., Тип. № 142, 44а (Шахматов 1915: 156; Шевелева 1996: 57), < *ogorditi ‘огородить’;

17. *дрогое*, ЖАЮ, Тип. № 182, 30б, Сол. № 216, 71а (Шевелева 1996: 55), < *dorgъ ‘дорогой’;

17а (см. 10). *по заброломъ* Д. мн., Псковск. сб. XV в. в Чудовск. № 53/255, 124б (Каринский 1909: 113; Шевелева 1996: 57), < *zabordlo ‘крепостная стена’, от *borti, ср. также № 3 *бронаше* от *borniti;

17б (см. 5, 37а). *злото*, надпись на кресте Ефросиньи Полоцкой 1161 г.; *злото*, ГБЛ, Тр.-Серг., № 9: 212б, кон. XIV в. (СлДРЯ XI–XIV 3: 389); *сло^в о злото^м кузнеци*, Пролог XIV в. (Срезн. I: 985); *злотъникъ*, Миняя 1096 г., Тип. № 89, 98а (Шевелева 1996: 57); *злотъникъ* 56а, 82б 3×, 83а 2×, М. ед. *на злотъницѣ* 82б, Р. мн. *злотъникъ* .ѣ. 29б, В. мн. *злотъники* 29а, Син. пат. XI в. (Шевелева 2001: 187), < *zolto ‘золото’, *zoltъ ‘золотой’, *zoltъникъ ‘золотая монета’;

18 (см. 32а). *кротъчаи* сравн., Миняя XI в., № 194 (Шахматов 1915: 156), от *kortъкъ ‘короткий’;

19. *плокаахоу* 3 мн. имперф., Юрьевское ев. XII в. (Колесов 1980: 73; Срезн. II: 968), от *polkati ‘полоскать’;

20 (см. 34а). *плониша* 3 мн. аор., Син. пат. XI в., 80а (Шевелева 2001: 188), от *pelniti ‘захватить в плен’;

21. *прозднюлюбци*, *проздньство*, Миняя 1096 г., Тип. № 89, 98а (Шевелева 1996: 57); *проздньла*, Псковское ев. 1409 г. (Шахматов 1915: 156), от *rogzdъль ‘пустой’;

22 (см. 35б). *сковродъ* М. ед., *сковродопечьь*, Ефр. кормч. XII в. (Колесов 1980: 73; Шевелева 1996: 57), от *skovorda ‘сковорода’;

23. *словие* мн., ЖАЮ, Тип. № 182, 12а (Шевелева 1996: 55); *слова*, Псковск. сб. XV в. Чудовск. № 68/270, 14б (Каринский 1909: 99), < *solvъь ‘соловей’;

23а (см. 35а). *слома* ‘стропило, перекладина’, Изборник 1073 г., 513а (СлДР XI–XVII 25; Срезн. III: 422), < *selmę ‘ствол, стебель, длинное бревно’⁶⁰;

24 (см. 38а). *сромаживь* кф. И. ед. м., Уст. корм. Поуч. исп. XIII в. (Шахматов 1915: 156), < *sormęživъ ‘стыдливый’; *сромотити*, Курб. Пис. XVI в. в списке XVII в., 433а (СлДР XI–XVII 27: 122), < *sormotiti ‘стыдить’, от *sormъ ‘стыд’;

24а (см. 2). *сѣдрово тѣло* кф. И.-В. ед. ср., Златоструй XII в., 11а (Крысько 1998: 84), < *sъdrogvъ ‘здоровый’;

25. *тлоци* инф., Юрьевское ев. XII в., 90а (Шевелева 1996: 57), < *telkti ‘толочь’;

26. *с хробрыми* Тв. мн., Псковск. сб. нач. XV в., Чудовск. № 1262, 115а (Каринский 1909: 131; Шевелева 1996: 57), от *xorbъ ‘храбрый’;

27 (см. 43а). *хроминѣ* В. ед., Пандекты Антиоха XI в. (Колесов 1980: 73), < *xormina, от *xormъ/-а ‘дом’;

28. *чрово* [чр’ово], Псковск. сб. XV в., Чудовск. № 1262, 12а (Каринский 1909: 131), < *črvo ‘живот’;

29. *шломъ оупваниа*, Христиноп. ап. XII в. (Шахматов 1915: 156), < *šelmъ ‘шлем’.

В новгородских берестяных грамотах (Зализняк 2004а: 779, 800–801):

30 (см. 39а). *2 сročька* дв. 2× ‘два сорочка’, Р. мн. *сročькъ* Гр. № 336 XII в.; также в грамоте № 3 из Торжка И. ед. *сročеке* XII/XIII вв., < *sročькъ⁶¹;

30а (см. 1). *погородь(е)*⁶² Гр. № 718 XIII в., < *pogordъje, от *gordъ ‘город’.

Рефлексы *ТроТ*, *ТреТ*, *ТлоТ*, *ТлеТ* в русских диалектах

Диалектные лексикализованные формы с рефлексами *ТроТ*, *ТреТ*, *ТлоТ*, *ТлеТ* в заметном числе обнаруживаются в русских западных (смоленских, реже селигеро-торжковских, калужских и Брянских) и северо-западных (псковских, новгородских, онежских, архангельских, Тверских) говорах, а также в севернорусских говорах вторичного рас-

⁶⁰ Вариант *слама* ‘стропило, кровельная перекладина’ в копии с текста Упыря Лихого (Срезн. III: 411), скорее всего, содержит сконструированное ц.-слав. -ла- на месте вост.-слав. -ло- в *слома* – ср. регулярное ц.-слав. *слѣмя* (см. № 35а).

⁶¹ Др.-новг. *сорочькъ* ‘сорочок – товарно-денежная единица’, то же, что *сорокъ* и *сорочьць* (Зализняк 2004а: 800–801).

⁶² Ср. *погородье* ‘дочь, подать с городов’, Уставная грамота Смоленского князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии 1150 г. в списке XVI в. (Срезн. II: 1017).

селения (северо-восточных, северных поволжских, вятских, уральских, сибирских). Западные и северо-западные говоры в основном восходят к раннедревнерусским диалектам кривичского происхождения (Николаев 1988, 1989, 1990, 1994, 2011) или расположены на первоначальной территории последних.

Релевантны 1) диалектные формы, в которых *-o-* или *-e-* находятся в подударном или 1-м предударном слогах; 2) если *-o-* или *-e-* находятся во 2-м предударном или 1-м заударном открытом неконечном слоге в диалектных ареалах, где гласные не подвергаются синкопе.

В русских диалектных формах с безударных рефлексами *TORT > TPOT/TPeT, в которых первый слог полногласия находится в открытом неконечном заударном или втором предударном слоге, синкопа гласного может быть поздней (Зализняк 2004а: 40–41). Точнее, синкопа [ъ] < o/a, [ь] < e/o/a в открытом 2-м предударном слоге характерна только для восточных и юго-восточных говоров (ДАРЯ I, карта 9), поэтому нерелевантны симб. *броднік* ‘род мотыги’ (= диал. *борозднік*); влад. *огломя* ‘очень давно’ (= диал. *оголомя*); ворон., ряз., моск. *просёнок* ‘поросенок’ (СРНГ) и т. п. Формы наподобие псков. *вретенó* = *веретенó* из западно- и севернорусских говоров, скорее всего, отражают древнерусские TPOT-варианты.

Поздняя синкопа [ъ] < o/a, [ь] < e/o/a характерна также для заударных открытых неконечных слогов в юго-восточных и южных говорах (ДАРЯ I, карта 16), поэтому нерелевантны рост., ульян. *на́влок* ‘мягкая земля, вспаханная в прошлом году’ (= диал. *на́волок*), орл., тул. *на́влочка* ‘наволочка’ (СРНГ) и т. п. Напротив, ржев. *сúвлока* ‘стебли конопли’ (= диал. *сúво́лока*), яросл. *сúмрась* [сúмръс’] ‘изморось’ (= диал. *сúморось*) отражают первоначальные TPOT-рефлексы.

Ниже приводится релевантный материал, опубликованный А. А. Зализняком (2004а: 40–41), и добавления к нему.

31 (ср. 54). Смол. *блонь* ‘равнина; выпас для скота’, < *bolnъ; смол., зап. *блóнье* ‘низкое место; луг, залитый водой’, смол. *блóнье* ‘поле, равнина’, < *bolnъje; *облóна* ‘поляна; равнина’, < *obolna; *облóнь* ‘низкое место, заливаемое водой во время половодья’, < *obolna; *облóнье* ‘луга на низком месте; заливаемые луга во время половодья’, смол., зап., калуж. ‘безлесные, сырые, обширные луга, иногда с солончаками’, смол., калуж., зап. ‘берега реки’, псков. ‘равнина, ровное поле’, смол. ‘участок луга, где происходили гулянья’ (СРНГ 3: 27; 22: 109) (ср. диал. *(о)болонь*, *(о)болонье*), < *obolnъje, от *boln- ‘заливной луг’.

31а (см. 4, 9а, 11а). Псков. *зѣблока* ‘запонка’ (СРНГ 9: 259) (= яросл. *зѣволока* 9: 264), < *zavolka; ржев. *сѣволока* ‘стебли конопли, а также всякая сорная трава, остающаяся после уборки конопляного поля’ (42: 139) (= диал. *сѣволока*), < *sʷolka; нижегор. *блокуша* ‘соха с двумя сошниками и перекладной полицей’ (3: 27), < *obvolkuša; арханг. *облокать* ‘одевать’, твер., сиб., яросл. *облокаться* ‘одеваться’ (22: 107) (= диал. *облокатъ*), < *obvolkatī, в былинах Печеры и Зимнего берега 1 ед. *облокъсь* (22: 107), также без локализации *облочь* ‘надеть’ (Даль), < *obvelkti; арханг., вят. мн. (< дв.) *облока* ‘отводы у саней’ (СРНГ 22: 107) (ср. диал. *оболок* ‘крыша, съемный верх на повозке или санях’), < *obvolkь.

32. Калуж. *Восожа́ры* ‘созвездие Большой Медведицы’, также у терских казаков ‘созвездие Плеяд’ (СРНГ 5: 139) = диал. *Волосожа́ры*; от *Volśь ‘Волос (теоним)’ или *volśь ‘волос’ (Аникин РЭС 8: 168). О развитии *vlo-* > *vo-* см. №6 *Водимирь/Водимгрь*.

32а (см. 18). Медвежьегор. *крот* ‘человек маленького роста’ (СРНГ 15: 284) (ср. *коротѣиш*, арханг. *коротѣй* ‘id.’), < *korťь ‘короткий’.

32б (см. 7). Нарым. фолькл., зап.-брян. *млѡды́й* ‘молодой’⁶³ (СРНГ 18: 184) и зап.-брян. *модѣ́ца* ‘молодица, молодая замужняя женщина’ (18: 198) (= *молодой*), < *moldьъ, *moldica. О развитии *mlō-* > *mo-* см. №7 *модыи*.

33. Олон. *млѡчная трава́* ‘василисник (*Thalictrum flavum*; Th. *aquilegiiifolium*)’ (СРНГ 18: 184) (= *молочный*), < *melььъ ‘молочный’.

34. Сев. *мрѣ́жник* ‘рыбак, занимающийся ловом рыбы мережами’ (СРНГ 18: 327, также Даль без указ. места) (ср. диал. *мерѣ́жа*), от *merǰa ‘сеть’.

34а (см. 20). Олон. *плон* ‘плен, полон’ (СРНГ 27: 146) (= диал. *полѡн*), < *relpъ ‘плен’.

34б (см. 21). Новг. *прѡ́дно* ‘свободно’, *прѡ́дный* ‘незанятый, свободный, праздный’, том. *прѡ́дник* ‘праздник’, казан. *прѡ́зник* ‘передышка, роздых, просвет’ (СРНГ 32: 140–141), от *porzdъь ‘пустой’.

35 (см. 57а). Новг. *до про́ха* ‘слишком много’ (СРНГ 33: 22) (ср. костром. *ни по́роха* ‘ничего нет’ СРНГ 30: 83), < *rogъь ‘пыль’.

35а (см. 23а). Волж. *слѣ́мя* ‘дерево’, также «церк.»⁶⁴ ‘мачта, щегла’⁶⁵ (Даль IV: 247), < *selmę ‘ствол, стебель, длинное бревно’. Ср. арханг. *се-*

⁶³ Брянская форма может быть полонизмом.

⁶⁴ В данном случае «церк.» у В. И. Даля, по-видимому, значит «церковнославянский», однако ц.-слав. *слѣ́ма* имеет иное значение.

⁶⁵ *Шагла́, щегла́, щалга́* ‘дерево, бревно, лесина, цельное голомя; шест для подъема значка, маяка’ (Даль IV: 1389).

леміна ‘стержень стебля злаковых растений, на котором держится колос’ (СРНГ 37: 131) с рефлексом *selm- > селем- и брян. *солома* ‘толстое бревно, которое кладут на сохи, служащее опорой для крыши’ (39: 296) с рефлексом *selm- > *солом-*; далее ц.-слав. *сльма* ‘бревно, перекладина’ (Срезн. III: 441), словен. *sléme* ‘Firstbalken des Daches, Überlegbaum des Webstuhles, usw.’, чеш. *slemeno* и *slémě*, срб.-хрв. *sljème* ‘гребень крыши, кровли, конек’. В восточнославянских языках рефлексы *selmen- ‘стебель, ствол, бревно’ находятся в тесной контаминации с рефлексами *selmen- ‘возвышенность’ и *šelmъ ‘шлем’, отсюда арханг., вятск. *шолома* ‘конек [крыши]’, также олон. *шолóm* ‘верхняя перекладина на крыше’, твер., вологод., яросл. *шелóm* ‘конек, навес’ (Фасмер IV: 424).

35б (см. 22). Новг., твер., калуж., прибалт., влад. *сковродá* ‘сковорода’ (СРНГ 38: 48), < *skovorda ‘сковорода’.

36. Новг. *слом* ‘ворох соломы’ (СРНГ 38: 300) < *solmъ ‘солома’⁶⁶.

37. Арханг. *слóтина*, также нерелевантное моск. *слоті́на* ‘небольшая болотная топь; крутобереговая низменность с родниками, нередко со ржавчиной’ (СРНГ 38: 305) (= диал. *солóтина* ‘сырое, вязкое место, болото’), < *söltina ‘болотце’.

37а (см. 5, 17б). Арханг. *злотной́* ‘золотой’ (= диал. *золотной́*), < *zoltъnъ; твер. *злотáвка* ‘рыба голянь’ (= диал. *золотáвка*), < *zoltavъka; твер. *злотáрь* ‘золотых дел мастер’ (= диал. *золотáрь*), < *zoltarjъ; яросл. *злоту́ха* ‘ягода черемухи’ (СРНГ 11: 291), < *zoltuxa (ср. диал. *золоту́ха* в разных значениях).

38. Лит. ССР *смрод* ‘неприятный запах, вонь, смрад’, *смродити* ‘испускать неприятный запах, вонь, смрад’ (СРНГ 39: 56)⁶⁷ (= диал. *смóрод*, *смóродити*), < *smordъ ‘сильный запах’.

38а (см. 24). Твер. *сром-срам* ‘стыд и срам’ (СРНГ 40: 391) (= диал. *сором*), < *sormъ ‘стыд’.

39. Псков., осташк., брян. *стрóжить* ‘ожидать, караулить кого-, чего-л.’, псков. *стрóжиться* ‘остерегаться, бояться чего-л., осторожничать’ (= диал. *сторожítь(ся)*), влад., урал. *стрóжкий* ‘осторожный, пугливый’ (= диал. *сторожкий*), симб. *стрóжкость* ‘осторожность, бдительность’ (СРНГ 42: 17–18), < *storžiti ‘стеречь’, *storžьkъ ‘осторожный’.

⁶⁶ Рудиментарная о-основа *solmъ < и.-е. *kōlh₂mos, в других языках: лтш. *saĩms* ‘соломинка’, прагерм. *xalmaz > др.-в.-нем. *halm* ‘стебель (злака), соломинка’ и т. д., греч. κάλαμος ‘камыш, тростник; стебель, солома’ (наряду с κάλαμη ‘стебель, соломина, солома’ = *sōlma), лат. *culmus* ‘стебель, соломина, солома’.

⁶⁷ Может быть полонизмом, однако эти слова также могли сохранить исконную огласовку под влиянием польского *smród*.

39а (см. 30). Иван. *срочи́ны* ‘день поминовения умершего через сорок дней после смерти’ (СРНГ 40: 324) (= диал. *сорочи́ны*), < *sorčina.

40. Олон. *отребы* ‘низший сорт льна’, новосиб. *отрэби* ‘отрепки (льна, конопли)’, олон., кемер. *отрэбье* ‘отрепки (льна, конопли)’ (и литер. *отрэбье* ‘отбросы, негодные остатки; никчемные люди’ диалектного происхождения), олон. *отрэбный* ‘состоящий из отрепков (льна, конопли)’, новосиб. *отрэбный холст* ‘грубый, вытканый из отрепков (льна, конопли)’, забайк. *отрэбок* ‘кlostь шерсти, волос’ (СРНГ 24: 291) (ср. диал. *отерэбок, отерэбки*) < *oterbъ, *oterbъпъ, *oterbъе, от *terbiti.

41. Сиб. *трок* ‘широкая тесьма для подвязывания попоны’ (СРНГ 45: 125) (= свердл. *торок* ‘веревка, ремешок в упряжи пристяжной лошади’ 44: 281), < *torкъ ‘ремень, перевязь’.

42. Арханг. *трóпкий* ‘торопливый (о человеке)’, ленингр. *тропком* ‘поспешно, кое-как, беспорядочно’ (= диал. *торопкий*), волог. *трóпно* ‘быстро’ (= диал. *торопно*), также арханг. *тропоушка* ‘самый ранний гриб’ (СРНГ 45: 132–134), < *torp- ‘торопить(ся)’.

43. Сев. фолькл. *захлóпина боярская* ‘холоп’ (СРНГ 11: 152, ср. олон. *холóпина дворянская/боярская*); также в загадке: псков. *Без рук, без ног, стоит, как хлоп, ничего не говорит, а птиц страшит* (огородное пугало); брян. *хлопя* ‘мальчик, хлопец’, брян., орл. *хлопка* ‘девочка-подросток’ (ср. диал. *хлопка* ‘женск. к холоп’), перм., брян. *хлопéнок* ‘мальчик-подросток’⁶⁸ (СРНГ 50: 232, 239–240, 256), от *xorъp ‘мужик’.

43а (см. 27). Псков. *сухрóмок* ‘новая срубленная изба’ (СРНГ 43: 29), < *suxorъmъkъ, от *xorъmъ/ -а ‘дом’.

44. Арханг. фолькл. *крониться*, през. *крóнится* ‘прятаться’ (= *хоронить(ся)* ‘прятать(ся)’), твер. *кронички* ‘игра в прятки’ (СРНГ 15: 277) (= *хороничка* ‘игра в прятки’), калин. *скроня́ть(ся)* ‘прятать(ся)’ (38: 151) (= диал. *хороня́ть* ‘прятать’), < *xoriniti ‘прятать’ – ср. волог., нижегор. *укорониться* ‘спрятаться’, яросл. *укорóнка* ‘безлюдное место’, *укорóнки* ‘прятки’ (47: 83) с неясным к-.

45. Псков. *вретенó* (СРНГ 5: 193), < *verteno; арханг. *вретельник* ‘ящик для веретен’ (СРНГ 5: 193) (= диал. *веретельник*), < *vertelъnikъ от *vertelъ (ср. псков. *веретель* ‘сверло, бурав.’).

⁶⁸ Брян. *хлопя* может быть полонизмом (ср. укр. *хлоп’я* из польск. стар. *chłopię* ‘мальчик’), меньше вероятность заимствования брян., орл. *хлопка* (нет прямых украинских/польских соответствий) и тем более это сомнительно в отношении сев. *захлóпина* и перм. *хлопéнок*.

46. Камч. *брезнёц* ‘береза белая (*Betula alba*)’ (СРНГ 3: 174 из Даля) < *berzньсь, от *berza ‘береза’.

47. Сев., сев.-зап. *памрок*, псков. *пáмрак* [пáмрък]⁶⁹ ‘пасмурная погода с мелким дождем’, петерб. *пáмрака* [пáмръка] ‘изморось’ (СРНГ 25: 187) (= диал. *пáморок*, -а), < *ramogкъ, -а; Киргиз. ССР *óмрок* ‘обморок’ (СРНГ 23: 205) (= диал. *óморок*), < *obmogкъ; вероятно, сюда же примеры с семантикой, заметно отличающейся от ц.-слав. *сумракъ* ‘сумрак’: ленингр. *сúмрак* ‘пасмурная погода’, карел. ‘туча’, сиб. *сúмрачно* ‘морозно, очень холодно’, арханг. *сúмрачный* ‘сильный, страшный (о громе)’ (СРНГ 42: 242) с записью заударного [ъ] как *а* (= диал. *сúморок*, *сúморочный*) < *sogmogкъ, -сьнь, от *mogкъ ‘темнота, сумерки’.

48. Яросл. *сúмрась* [сúмръсь] ‘мелкий, частый, затяжной дождь; изморось’ (СРНГ 42: 242) (= диал. *сúморось*), < *sogmorsъ; арханг. *пáмрасно* [пáмръсно] ‘пасмурно’ (25: 187), < *ramogsънь (= диал. *пáморосно*), от *mogсъ ‘морось’.

49. Арханг. *стронить* ‘сдвинуть с места, отодвинуть что-л.’ (СРНГ 42: 27), < *sъstorniti, от *storna ‘сторона’.

50. Арханг. *прохлонуться* ‘охладиться, остыть (выйдя на свежий воздух)’ (СРНГ 33: 27) (= диал. *прохолонутъся*), < *procholdnqti, от *xoldъ ‘холод’.

50а (см. 46). Смол. мн. *коврóты*, орл., брян. *кóвроты* ‘небольшие ворота у плетня’, смол. *кóвротцы* уменьш., брян. *кóвротцы* ‘ворота из колышков, палочек’, смол. *кóвроты* ‘разрыв, пустое место в хороводе девушек’ (СРНГ 14: 34) (= брян. мн. *кóвороты* ‘дверца в коровнике’, том. *кóворот* ‘столб, к которому прикрепляются ворота’ 14: 32), < *kovorta ‘воротца’.

51. Казан. *блóгий* ‘плохой, негодный’ (СРНГ 3: 27), < *bolgъ ‘плохой’, ср. псков. *бологóй* ‘старый, больной’ (ПОС 2: 87), польск. диал. *blogi* ‘плохой, дрянной’ (Аникин РЭС 3: 225)⁷⁰.

52. Новг. *блóзно* ‘много’ (НОС₁ 1: 58, НОС₂ 1: 60), < *bolžьно, с -зн- < -жн-, или же -з- заимствовано из *ТроТ*-варианта наречия *блoзѣ < *bolžě, ср. диал. *болозе*, -я ‘хорошо’.

53. Арханг. *блóзно* ‘ручка деревянной сохи’ (СРГС 1: 120), < *bolзьно по ‘подставка и т. п.’ – ср. арханг., олон. *бóлозно* ‘деревянная основа

⁶⁹ Во многих севернорусских «окающих» говорах в не открытых конечных заударных слогах фонема /o/ реализуется как [ъ], этим объясняется ее запись в виде «а» по аналогии с литературными («акающими») формами типа церковнославянского по происхождению *сумрак*, которое также произносится [сúмрък].

⁷⁰ Вероятно, «корень-близнец» *bolgъ ‘плохой’ возник благодаря семантическому сдвигу *bolgъ ‘хороший’.

сохи, к которой прикрепляются сошники, а также ручки для поддержания сохи во время вспашки» (СРНГ 3: 76), польск. диал. *blozno* ‘перекладина у саней, лежащая поперек полозьев’, кашуб. *blozno* ‘санный полоз, загнутый кверху’ (ЭССЯ 2: 184).

54 (ср. 31). Псков. *зб́лонок* ‘крайняя доска при продольной распилке бревен’ (ПОС 11: 28 sub *заболонка*), < *zabolnъкъ; смол., зап., калуж. *обло́нье* ‘края, кайма по краю блюда, блюдца и т. п.’ (СРНГ 22: 109), < *obolnъje; диал. без указ. места *блонь* ‘мягкий молодой слой внутренней части коры дерева’ (3: 27), < *bolнь, моск. *облонь* ‘оболонь (слой древесины, находящийся непосредственно под корой)’ (22: 109) (ср. диал. *бо́лонь* ‘верхний, молодой, неотвердевший слой древесины под корой дерева’; ‘мясо между грудью и задними ногами быка’ и т. д.), < *boln- ‘заболонь, мездра’. В ЭССЯ 2: 178 считается однокоренным с *bolнь ‘заливной луг’, см. №31.

ТроГ-рефлексы отмечены на юго-востоке, на территории первичного расселения это рязанские говоры. Появление таких форм может объясняться заимствованиями из кривичских по происхождению диалектов – см. о «кривичском поясе» в (Николаев 1988: 137–141; 2011).

55. Новг., также ряз., тамб. *врѣтье* ‘грубая ткань, дерюга, употребляемая в качестве подстилки, полога и т. д.’ (СРНГ 5: 193) (= *веретье* ‘грубая ткань, изготавливаемая из оческов льна, пеньки’ СРНГ 4: 142), < *vertъje ‘дерюга’.

56. Перм. *огложа́ть* ‘проголодаться; оставить кого-л. без еды, оставить голодным’, < *ogoldjati; ряз. *огло́да* ‘прозвище жадного человека’, < *ogolda; также нерелевантное ряз., тул., моск., сталингр. *оглода́ть* ‘проголодаться’ (< *ogoldati) (СРНГ 22: 318), от *goldъ ‘голод’.

57. Ряз. *крок* ‘большой кусок мяса’ (СРНГ 15: 273) (ср. том. *ко́рок* ‘ококор’, смол. *ко́ро́к* ‘бедро’), < *korъкъ ‘нога, бедро’.

57а. (см. 35). Южноурал. *про́шить* ‘рассыпать что-л. сыпучее и мелкое, как пыль’, ср. нерелевантное ряз. *прошѣ́ться* ‘рассыпаться (о чем-л. сыпучем и мелком, как пыль); падать (о мелком сухом снеге)’ (СРНГ 33: 50) (ср. диал. *порошѣ́ть* ‘мусорить, сорить’, *порошѣ́ться* ‘сыпаться’), от *rogъ- ‘пыль’.

См. в табл. 3 сводку *ТроГ*-рефлексов в рукописях и диалектах.

ТроГ-полногласие известно из брянских и смоленских говоров, переходных между белорусским и русским языками, поэтому оно ожидалось бы и в северо-восточных белорусских говорах, сформировавшихся на кривичской (смоленско-полоцкой) основе. Однако

исконные рефлексы *TelT > TлoT в белорусских диалектах нами не обнаружены⁷¹.

TpoT-полногласие в исконной лексике не отмечено в украинских и юго-западных белорусских говорах, что, по-видимому, подтверждает отсутствие TpoT-рефлексов в древнерусских юго-западных диалектах.

Таблица 3

Сводка рукописных и диалектных TpoT-РЕФЛЕКСОВ

Праформы	№ в списке	В рукописях	В русских говорах		
			Северо-Запад и Запад	Сев. Поволжье, Урал, Сибирь	Юго-Восток
1 *berza ‘береза’	46			брэзнéц	
2 *bolg- ‘плохой’	51			блóгий	
3 *bolg- ‘хороший’	52		блóзно		
4 *(o)boln- ‘заливной луг’	31		блoнь, блóнье, облóна, облóнь, облóнье		
5 *(o)boln- ‘мездра, заболонь’	54		зábлонок	óблонь (моск.)	
6 *bolzъlo ‘перекладина, полоз’	53		блóзно		
7 *borniti ‘защищать’	3	не броняше			
8 *červo ‘живот’	28	чрово			
9 *dorg- ‘дорогой’	17	дрогое			
10 *gold- ‘голод’	56			огложáть	оглóда, оглодáть
11 *gord- ‘городить’	16	огродивъ слá			
12 *gordъ ‘город’	1, 30a	гpo ^л , погрод(ьe)			
13 *kogъ ‘нога’	57				крок
14 *kort- ‘короткий’	18, 32a	кротъчаи	крот		
15 *melk- ‘молоко’	33		млóчная		

⁷¹ Такие белорусские формы, как дрэва ‘дерево’ < *dervo (= польск. drzewo), диал. млён ‘рукоять ручного жернова’ < *melъnъ (= польск. młon), ст.-белор. млотокъ ‘молоток’ < *molъtkъ (= польск. młotek) и т. д., формально не отличимы от старых полонизмов.

Праформы	№ в списке	В рукописях	В русских говорах		
			Северо-Запад и Запад	Сев. Поволжье, Урал, Сибирь	Юго-Восток
16	*merža ‘сеть’	34		<i>мрѣжник</i>	
17	*mold- ‘молодой’	7, 32б	<i>модьи (!)</i> ⁷²	<i>модица (!)</i>	<i>млóдый</i>
18	*mork- ‘темнота’	47		<i>памрок, пáмр[ъ]ка, сѹмр[ъ]к</i>	<i>óмрок</i>
19	*mors- ‘морось’	48		<i>пáмр[ъ]сно</i>	<i>сѹмр[ъ]сь</i>
20	*morz- ‘мороз’	8	<i>въ замрозь</i>		
21	*pein- ‘плен’	20, 34а	<i>плониша</i>	<i>плон</i>	
22	*polkati ‘полоскать’	19	<i>плокаахоу</i>		
23	*polta (р. Полота)	9	<i>люди плотьскыя ‘полочане’</i>		
24	*rogx- ‘пыль’	35, 57а		<i>до проха</i>	<i>прóшить</i>
25	*prozďьpъ ‘пустой’	21, 34б	<i>прозďьно- любьци, прозďьнство, прозďьныя</i>	<i>прóдно</i>	<i>прóздно, прóзник</i>
26	*selmę ‘ствол, бревно’	23а, 35а	<i>слома</i>		<i>слѣмя</i>
27	*skovorda ‘сковорода’	22, 35б	<i>сковродъ, сковродо- печьць</i>	<i>сковродá</i>	
28	*smordъ ‘вонь’	38		<i>(?) смрод, смрóдить</i>	
29	*solm- ‘солома’	36		<i>слом</i>	
30	*soltina ‘болотце’	37		<i>слóтина</i>	
31	*solv- ‘соловей’	23	<i>словиеъ, словии</i>		
32	*sork- ‘40’	30, 39а	<i>2 сročька, сročькъ, сročеке</i>		<i>срочíны</i>
33	*sorm- ‘стыд’	24, 38а	<i>сромлживъ, сромотити</i>	<i>сром-страм</i>	
34	*storn- ‘сторона’	49		<i>стронíть</i>	
35	*storž- ‘стеречь’	39		<i>стрóжить</i>	<i>стрóжкий, стрóжкость</i>
36	*sъdorv- ‘здоровый’	2, 24а	<i>нездровить, съдрово</i>		

⁷² Восклицательным знаком помечены рефлексy мло-, вло- > мо-, во-.

Праформы		№ в списке	В рукописях	В русских говорах		
				Северо-Запад и Запад	Сев. Поволжье, Урал, Сибирь	Юго-Восток
37	*šelmъ 'шлем'	29	<i>шломъ</i>			
38	*telk- 'толочь'	25	<i>тлоци</i>			
39	*terb- 'теребить'	40		<i>отребы, отрёбный</i>	<i>отрёби, отрёбье, отрёбный, отрёбок</i>	
40	*torъ 'ремень'	41			<i>трок</i>	
41	*torp- 'торопить'	42		<i>трóпкий</i>	<i>трóпно</i>	
42	*velk-, *volčiti 'волочь', *obvelkti, *-volkati, *-volka, *-volkuša	4, 9a, 11a, 31a	<i>вблок с.а., совлокуть с.а., повлочи</i>	<i>зábлока, сýвлока, облокáть, облокá, блокúша</i>	<i>облокúсь, облокáться</i>	
43	*verten-, -el- 'веретено'	45		<i>вретенó, вретельник</i>		
44	*vertъje 'дерюга'	55		<i>вретье</i>		<i>вретье</i>
45	*vold- 'владеть'	6	<i>Водимеръ (!)</i>			
46	*voldъ 'волосы'	11	<i>влоди</i>			
47	*volsъ (теоним) или 'волос'	32		<i>Восожáры (!)</i>		
48	*vorbъjъ 'воробей'	12	<i>вробие</i>			
49	*vorta 'ворота', *kovorta 'воротца'	14	<i>вроты</i>	<i>коврóты</i>		
50	*vortiti 'поворачивать'	15	<i>обротивше с.а.</i>			
51	*vorxnqti 'шевелить'	15a	<i>vrochnutze</i>			
52	*voržiti 'ворожить'	13, 50a	<i>врожениемъ, врожить</i>			
53	*xold- 'холод'	50		<i>прохлонúтися</i>		
54	*xolpъ 'мужик'	43		<i>захлóпина, хлоп, хлопёнок, хлóпка</i>		
55	*xorbъgъ 'храбрый'	26	<i>с хробрыми</i>			
56	*xom- 'дом'	27, 43a	<i>хроминж</i>	<i>сuxрóмок</i>		
57	*xogniti 'прятать'	44		<i>крóнится, кронички, скроня́ть</i>		

Праформы		№ в списке	В рукописях	В русских говорах		
				Северо-Запад и Запад	Сев. Поволжье, Урал, Сибирь	Юго-Восток
58	*zabordlo 'крепостная стена'	10, 17a	на заброльхъ, по забрломъ			
59	*zolt- 'золото'	5, 17б, 37a	на злоты ^x , злото, злото ^y , злотьникъ	злотной, злотавка, злотарь	злотуха	

Три восточнославянских рефлекса праслав. *TORT

1. «Юго-западное полногласие»⁷³: украинские и юго-западные белорусские говоры:

*ToгT, *ToлT, *TeгT, *TeлT > T|o|pǫT, T|o|лǫT, T|e|pǣT, T|o|лǫT⁷⁴ и T|e|лǣT.

На восточнославянском юго-западе (в частности, во всех украинских и юго-западных белорусских говорах) *o* и *e* во 2-м слоге полногласий отличаются от рефлексов обычных слав. *o и *e и восходят к звукам, совмещающим признаки *ъ, *ь и *o, *e. На это указывает отсутствие удлинения *o > *ō > i и *e > *ē > i в «новозакрытых» слогах перед слабым редуцированным: *вóрон*, *коро́ль*, *бе́рег*, *хворóст*, *го́лвка*, *соро́чка*, *боро́зка* 'бороздка', *перéсна* 'насыпь' и т. д.⁷⁵ Это характерно для *ъ и *ь в данной позиции, однако совпадения с обычными ерами нет: второе *-o-* в полногласиях не выпадает и не теряет искомого ударения (укр. *со́лод*, Р. *со́лоду*; *доро́га*; *берéза*). В реконструкции не подвергающиеся удлинению *o*, *e* будут обозначаться как *ǫ*, *ǣ*. Поскольку *ǫ*, *ǣ* теоретически могли находиться и в 1-м слоге «юго-западного» полногласия (качество гласных не поддается проверке, так как в этой позиции рефлексы *o, *e не могут оказаться в «новозакрытых» слогах), его праформами являются T|o|rǫT, T|e|rǣT

⁷³ Рефлекс *ToгT > *ToгэT согласно (Колесов 1980: 75).

⁷⁴ После шипящих T|e|лǫT – например, *шеломъ*.

⁷⁵ Вопрос о том, является ли иногда встречающееся удлинение второго *o* под неоакутом (укр. *борі́дка*, *сторі́нка*, Р. мн. *го́лів* < *gǫlvъ, полесск. и ю.-белор. *баро́дка*, *раціо́з'ja*) позиционным развитием *ǫ*, или же оно возникло по аналогии с обычным *o (ср. регулярные *ні́жка*, *гові́рка*) после фонетического совпадения *o* и *ǫ*, остается открытым (Булаховский 1961; Зализняк 1985: 161–163; Николаев 1996б: 206–209). Общей юго-западной инновацией является рефлекс *rogъ > *rogǫъ (южнобелор. *паро́г*, укр. *пори́г*), где *-ǫ-* по аналогии с *gǫgъ.

и т. д. В прямых скобках даются неопределенные звуки: $|o|$ = «о или ѓ», $|e|$ = «е или ё».

2. «**Восточное полногласие**»⁷⁶: северо-восточные, восточные и южные русские говоры:

*ToГ; *ToIГ; *TeГ; *TeIГ > T|o|poГ; T|o|лоГ; T|e|peГ; T|o|лоГ⁷⁷ и T|e|леГ.

Рефлексами праславянских сочетаний *ToRT в северных (включая восточноновгородские), восточных и южных великорусских говорах, по-видимому, являются T|o|poГ, T|o|лоГ с «обычным» -о- во втором слоге. В диалектах с различием «двух О» в подударном 2-м слоге полногласия регулярно присутствует «ѓ-закрытое» (обычная реализация – полифтонг [uo]), восходящее к удлинённому *ō на месте праслав. *o под «восходящим ударением» (праславянскими акутом и неоакутом): *корѓва* < *kōgva, *корѓвка* < *kōgvьka, *солѓма* < *sōlma, *морѓз* < *mōgzь, *корѓль* < *kōglь, *борѓдка* < *bōgdьka, Р. мн. *борѓд* < *bōgdь. «О-открытое» восходит к краткому *o под «нисходящим ударением» (праславянским циркумфлексом): *гѓд* < *gōdь, *нѓчь* < *nōtь, *нѓле* < *pōlje, В. ед. *вѓду* < *vōdō, *кѓсу* < *kōsō, также оно восходит к *ъ независимо от интонации: *сѓн* < *sъnь, *мѓх* < *mъхь. В безударных слогах /ѓ/ и /о/ не различаются. Первое о в *ТороГ/ТолоГ* могло находиться только под нисходящим ударением или быть безударным: *гѓрод*, *скѓвороду*, *кѓлос*, *корѓва*, *морѓз*. Поэтому достоверно неизвестно, совпадало ли первое о «восточного» полногласия с рефлексом обычного *о или было ѓ-образным «ѓ». Рефлексы праслав. *е в рассматриваемом ареале не зависят от интонации, поэтому реконструкция T|e|peГ, T|e|леГ является экстраполяцией.

3. «**Северо-западное полногласие**»⁷⁸, вероятно, исконное для говоров кривичского происхождения (псковско-новгородских и смоленско-полоцких), в двух вариантах:

*ToГ; *ToIГ; *TeГ; *TeIГ >

а) T|o|pѓГ; T|o|лѓГ; T|e|pѓГ; T|o|лѓГ⁷⁹ и T|e|лѓГ; в части говоров ѓ > ы/ѣ перед йотированными сонантами – «*ТороГ-полногласие*»;

б) TpoГ; TлоГ; TpeГ; TлоГ и TлеГ – «*ТроГ-полногласие*».

⁷⁶ Рефлекс *ToГ > *TəoГ/*ToгəГ > *ToгоГ согласно (Колесов 1980: 75).

⁷⁷ После шипящих T|e|loГ – например, *шеломь*.

⁷⁸ Рефлекс *ToГ > *ToгəГ > *TəгоГ согласно (Колесов 1980: 75).

⁷⁹ После шипящих T|e|lѓГ – например, *шеломь*.

В северо-западном и западном ареалах обычны близкие к юго-западным «ТороТ-рефлексы» Т|о|рѡТ, Т|о|лѡТ, Т|е|рѣТ, Т|о|лѡТ и Т|е|лѣТ. Неизвестно, отличались ли гласные в первом слоге полногласия от рефлексов праслав. *о, *е⁸⁰. Гласные ѡ, ѣ во втором слоге не выпадают в слабой позиции (псков. *ворѡна*, *ворѡны*, *берѣза*), однако, в отличие от «юго-западного» полногласия, перед йотированными сонантами ѡ может развиваться в ы/э, как псковское «напряженное» *ѡ̆: псков. *болѣнье*/*болѣнье* < *bolѣn̆je < *bolп̆je как *одѣнье*/*одѣнье* < *odѣn̆je < *odп̆je.

Как было показано выше, в русских северо-западных и западных говорах (и в производных от них говорах вторичного расселения) и в текстах XI–XV вв. северо-западной и западной локализации также отмечены сходные с лехитскими «ТроТ-рефлексы» ТроТ, ТлоТ, ТреТ, ТлоТ или ТлеТ (в отличие от единообразного польск. *PlеТ*⁸¹). Вероятно, этим рефлексам предшествовали *Т̣роТ, *Т̣лоТ, *Т̣реТ, *Т̣лоТ/Т̣леТ. Произношение древнерусских слабых еров в первом слоге не находит убедительных доказательств, однако схема развития могла быть сходна с раннедревнепольской (*Т̣роТ, *Т̣лоТ, *Т̣реТ, *Т̣леТ⁸²), отличаясь от последней рефлексом *TeIT > *Т̣лоТ⁸³. По-видимому, во 2-м слоге Т̣роТ-полногласия находилось обычное о: примеров на его переход в ы/э нет – в отличие от ТороТ-полногласия: псков. *облѡнье* («облынье») или «облэнье» и аналогичные формы от других корней не отмечены), однако (о)болѣнье/(о)болэнье наряду с оболѡнье < *(о)bolп̆je (также *скорынья*, *полынья*, *полымя* и т. д.). В рефлексах ТреТ отмечается переход е > 'о, что исключает трактовку ТреТ как «ТрѣТ».

Вопреки (Крысько 1998: 84), ТроТ-формы не «являются крайне малочисленными» – на самом деле их немало даже в рукописях. Скорее

⁸⁰ Статистическое распределение двух звукотипов (монофтонгического и дифтонгического) на месте праслав. *о и *ъ в западнорусских говорах, в частности, может свидетельствовать о рефлексе ТѡРѡТ (точнее, ТѡР|о|Т ~ Т|о|РѡТ) в говоре д. Гаврилово Торопецкого р-на Тверской обл. (Николаев 2015: 110–117; табл. 1–4).

⁸¹ Также ТлоТ перед твердыми дентальными (где любое *е > о) – в отличие от ТлоТ < *ТолТ. В лехитском ареале развитие *TeIT > ТлоТ отмечено в кашубских говорах (Lorentz 1925: 26).

⁸² Обоснование реконструкции лехитских *Т̣, *Т̣ в 1-м слоге рефлексов *ТоRT, *ТеRT см. (Klemensiewicz, Lehr-Splawinski, Urbańczyk 1955: 124).

⁸³ Согласно А. А. Зализняку (2004а: 40), «представляют также некоторый интерес написания с ѡро, ѡло (в памятниках, где нет графического смещения ѡ и о), например, *Вълость* Варл. (XII/XIII), *в[ъ]лости* 503 (XII), *вълости* 307 (XV). Такие написания в принципе могут служить для своего рода графической маскировки полногласия; но нельзя исключить и того, что в каких-то случаях за ними стоят звуковые сочетания типа [эо]».

всего, изначально они были характерны только для западного и северо-западного («кривичского») ареала. Не будучи престижными, они активно вытеснялись *ТороТ*-рефлексами наряду с другими «экстравагантными» диалектными особенностями. «Кривичские» *ТроТ*-рефлексы (*гродъ*, *блѣнье*, *отрѣбъкъ*, *млѣчьнь*, *слѣмя*) и *ТороТ*-рефлексы (*гѣродъ*, *болѣнье*, *отерѣбъкъ*, *молѣчьнь*, *селѣмина*) в дописьменную эпоху, возможно, находились в дополнительном распределении, однако имеющийся материал не позволяет реконструировать позиции.

Судя по видимому отсутствию следов морфонологического распределения начиная с раннеписьменного времени, в кривичских по происхождению диалектах варианты *ТороТ* и *ТроТ* находились в свободном варьировании, при котором *ТроТ*-варианты были относительно редкими и/или лексикализированными (и вместе с лексемами заимствовались в сопредельные говоры «некривичского» происхождения). В диалектах и памятниках *ТроТ*-рефлексы чаще всего встречаются, 1) если рефлекс *TORT имеет ударение на 2-м слоге, иными словами, находится под «восходящей интонацией» (*TóRT, *TõRT, соответствующий *ТороТ*-рефлекс – *ТорóТ*): *млѣчьнь* = *молѣчьнь* < *měľčьнь; *плон* = *полѣн* < *pěľнь; *слѣтина* = *солѣтина* < *sōľtina; *сухрѣмок* (ср. *хорѣмы*) < *sōxōřmькъ; 2) если рефлекс *TORT не несет на себе ударения: *сѣвлока* < *sěvŏlka; *сковродá* < *skovordá; *вретенѣ* < *vertenō. Однако это распределение, скорее всего, вторично, поскольку в таком случае количество «кривичских» *ТороТ*-рефлексов было бы ничтожным – они возникали бы только когда *TORT находилось под «нисходящим ударением», однако *ТроТ*-рефлексы известны и в данной позиции: новг. *блѣзно* < *bōľzьно, *злѣто* < *zōľto и др.⁸⁴

В принципе не исключено, что для позднепраславянского «кривичского» диалекта были характерны только *ТроТ*-рефлексы, а общевосточнославянское *ТороТ*-полногласие проникло в «кривичские» по происхождению говоры задолго до их письменной фиксации в результате междиалектной интерференции.

Вариативность рефлексов *ToRT > *T|o|RōT* и *TъRoT* в восточнославянских северо-западных и западных говорах отчасти напоминает

⁸⁴ Ср. пока не увенчавшиеся успехом поиски дополнительного распределения рефлексов **T^bR^bT* (> *ТороТ* – «второе полногласие»), **T^bRT* (> *ТорТ* – «стандартный» рефлекс) и **T^bГ* (> *ТроТ*) на месте праслав. *TъRT, которые известны из северо-западных и западных говоров и памятников северо-западного ареала (Шевелева 1995; 1996; 1997; 2001; 2007; Зализняк 2004а: 39–41; Николаев 2001: 86–103; 2015: 94–98).

вариативность рефлексов *ToRT в другом северославянском ареале – полабско-поморском. В диалекте Руяна (Рюгена) рефлексы *ToRT и *TыT совпадают в *TarT*, а рефлексы *ToIT и *TыT совпадают в *ToIT*. При этом *ToIT может развиваться и по модели *ToIT > *TьloT > *TloT* (Lehr-Spławiński 1966b). В кашубских говорах *ToRT > *TarT* и *ToRT > *TroT, *ToIT > *TloT* (Lehr-Spławiński 1966a), а также *ToIT > *TalT*: *po'kas* < *polkati (Lorentz 1925: 26) и *TelT > *TelT*: *mélko* < *melko (Sychta III: 87).

Схематическое представление типов полногласия см. в табл. 4.

Таблица 4

Восточнославянские разновидности полногласия

	Юго-западное полногласие	Восточное полногласие	Северо-западное полногласие	
			1-й вариант	2-й вариант
*ToRT	<i>T o pǫT</i>	<i>T o poT</i>	<i>T o pǫT (-pǫ-)</i> ⁸⁵	<i>TьpoT</i>
*ToIT	<i>T o lǫT</i>	<i>T o loT</i>	<i>T o lǫT (-lǫ-)</i>	<i>TьloT</i>
*TerT	<i>T e pěT</i>	<i>T e peT</i>	<i>T e pěT</i>	<i>TьpeT</i>
*TelT ⁸⁶	<i>T o lǫT</i>	<i>T o loT</i>	<i>T o lǫT (-lǫ-)</i>	<i>TьloT</i>

IV. ЕЩЕ РАЗ О ЗАКАРПАТСКИХ РЕФЛЕКСАХ ПРАСЛАВ. *o В «НОВОЗАКРЫТЫХ» СЛОГАХ

Восточнославянское компенсаторное удлинение праслав. *o и *e > *ō и *ē в слогах перед слабыми (сверхкраткими) *ь, *ь (такие слоги также называются «новозакрытыми» или «перестроенными») характерно для восточнославянского юго-западного ареала. Оно датируется позднепраславянской эпохой, поскольку осуществилось до выпадения слабых редуцированных⁸⁷. Ниже ареальные («праюгозападные», ПЮЗ) *o, *e с компенсаторным удлинением будут обозначены как *ō, *ē.

⁸⁵ В скобках – опциональный рефлекс перед йотированными сонантами.

⁸⁶ Кроме приведенных в таблице, рефлекс *ТелоT* ~ *ТелōT* после шипящих (*шелом*), также *ТьлоT* в *шлом*. Известно и более редкое развитие *TelT > *T|e|leT* ~ *T|e|lěT* и *ТьлеT* (*железа, слема*).

⁸⁷ Судя по данным берестяных грамот, в древненовгородском диалекте утрата неконечных слабых редуцированных продолжалась не менее ста лет, примерно со второй четверти XII в. по начало XIII в. (Зализняк 1993: 241–270). О различной динамике сохранения/выпадения слабых редуцированных в зависимости от *lento*- и *allegro*-вариантов произношения в древненовгородском диалекте XII–XIII вв. см. (Гиппиус 2020: 24–25). См. также (Николаев 2020: 45–46).

В северной части ареала компенсаторного удлинения гласные удлинялись только под ударением. Рефлексы удлинённых *ō и *ē характерны для всех говоров украинского языка и белорусских говоров южнее Минска (Николаев и др. 2013: 104–105; 109–110; 132–133, карта 1), ниже даются условные реконструкции «праюгозападных» (ПЮЗ) форм. В украинском литературном языке единым рефлексом ПЮЗ *ō и *ē является *i*: *nis* < ПЮЗ *nōsŕ < *nosŕ, *kíшка* < ПЮЗ *kōčŕka < *kočŕjka, *priníc* < ПЮЗ **prin'ōslŕ* < *prineslŕ, *níч* < *rēčŕ < ПЮЗ *rēčŕ < *pektŕj и т. д. Из полесских и закарпатских украинских и южнобелорусских говоров известны разнообразные рефлексы ПЮЗ *ō > *uo*, *uo*, *üö*, *o*, *u*, *ü*, *í*, *l*, *i*; ПЮЗ *ē > *ie*, *e*, *l*, *í*, *i* (АУМ I, карты 28–46, 57–69; АУМ II, карты 24–31; ДАБМ, карты 30, 35).

В юго-восточных белорусских говорах распространена система, в которой фонема /*u*/ восходит к праслав. *u и *q, а фонема /*o*/ (верхне-средний монофтонг) – к ареальному *ō в «новозакрытых» слогах (ДАБМ, карта 35, фонема /*o*/ обозначена как *ô*). При экспериментально-фонетической обработке (программы Praat и Speech Analyzer) оцифрованных магнитофонных записей, сделанных в ходе экспедиций Института славяноведения РАН в карпатоукраинские говоры (МКЭ), подтвердилось, что монофтонг *o* или *o* («и-открытое») < *ō встречается и на мараморошской (восточнозакарпатской) периферии юго-западного ареала⁸⁸.

Разные оттенки «*U*» были обнаружены Олафом Брокком в закарпатском говоре с. Убля (ныне в Восточной Словакии близ границы с Закарпатской областью) (Брок 1899). Судя по его описанию, в говоре Убли⁸⁹ противопоставлены фонемы /*u*/ и /*o*/. Брок установил, что фонема /*o*/ (в его нотации – *ü*) происходит из праслав. *u и *q в нейтральной фонологической позиции; фонема /*u*/ (в нотации Брока – *ü*) происходит из праслав. *u и *q в позиции «палатальной ассимиляции»; также фонема /*u*/ (*ü*) происходит из ареального *ō независимо от позиции (Брок 1899, так же в Leška 1973).

Недавнее изучение спектрограмм говора Убли по записям 2014 г. (Николаев, Толстая 2017; 2018) показало, что в нейтральной (не асси-

⁸⁸ Ср. интерпретацию этой фонемы заднего ряда верхне-среднего подъема как *o*, *ü*, дифтонгоиды и дифтонги при транскрибировании «на слух» в (Николаев 1995а; 1995б; 1996а; 1996б; АСЯ: 151–304). См. также (Николаев, Толстая (в печати)).

⁸⁹ Согласно Ивану Панькевичу (1938: 99–100), также в сопредельных селах Кленова, Русский Воловец, Улич, Княгигино, Домашин, Суль, Кострины, Русский Грабовец, Пудгородя, Быстра, Дуброва, Шмиговцы, Стриговцы и Колоница.

миллионной) позиции на месте *u и *ɥ представлены обе фонемы – /u/ и /ʊ/⁹⁰, которые имеют лексическое распределение. На месте *u и *ɥ в позиции «палатальной ассимиляции» отмечена только фонема /u/, на месте *ɔ – также только /u/. Дистрибуция «нейтральных» рефлексов /u/ и /ʊ/ на месте *u и *ɥ кажется произвольной, хотя статистически /ʊ/ чаще встречается на месте *u. Более вероятным кажется не частичное сохранение оппозиции между рефлексами *u и *ɥ, а продуктивная тенденция к фонологической нейтрализации /u/ и /ʊ/ в единой фонеме /u/ – ср. описанную ниже ситуацию в Луге.

Сделанные «на слух» и поэтому не очень точные транскрипции карпатоукраинских звуков «типа U» на месте *o в «новозакрытых» слогах опубликованы в (Николаев 1995а) – Луг, Ярок; 1995б – Русская Мокрая, Турья Поляна; (1996а; 1996б) – Новоселица, Боронява; (АССЯ: 151–304)⁹¹. В МКЭ оппозиция /u/ < *ɔ и /ʊ/ < *u, *ɥ отмечена только в Убле, тогда как в сопредельных ужанских говорах (Турья Поляна, Новоселица, Стужица, Ирлява, Ярок Ужгородского, Бенедиковцы Мукачевского р-на) рефлексы совпадают (*ɔ, *u, *ɥ > /u/).

В части восточнозакарпатских говоров первичное соотношение рефлексов «обратное» – /ʊ/ < *ɔ (с дальнейшим переходом o > u) и /u/ < *u, *ɥ. Рефлекс *ɔ > /ʊ/ в записях «на слух» был нами отмечен в мараморощских говорах с. Широкий Луг Тячевского р-на (АССЯ: 151–304) (фонема /ʊ/ обозначена как *û*), Боронява Хустского р-на (Николаев 1996а: 128) и Олышаны Тячевского р-на Закарпатской обл. (фонема /ʊ/ обозначена как *o*).

В книге И. Панькевича (1938: 83–94; тексты на с. 411–545) в транскрипции говоров с «и-образным» рефлексом *ɔ на его месте обычно пишется буква *û* – в отличие от *u* на месте *u, *ɥ. Такая же транскрипция представлена у Г. Ю. Геровского (1995). Панькевич (1938: 83; 99–100) учитывает обнаруженное О. Бромом этимологическое противопоставление *û* («напряженное *u*») и *û* («о-образное *u*») в восточноземплинской⁹²

⁹⁰ В (Николаев, Толстая 2017; 2018) обозначена как /ɥ/ ввиду фонетической близости ее обычной реализации [ɥ] к «палатальному» аллофону [ɥ] фонемы /ɔ/. Однако, в отличие от фонемы /ʊ/, аллофон [ɥ] фонемы /ɔ/ не переходит в [u].

⁹¹ В (Николаев 1995а; 1995б; 1996а; 1996б: 205–210) констатируется, что в ряде карпатоукраинских говоров в «неперестроенных» (не «новозакрытых») слогах под ударением фонологически противопоставлены дифтонгии [ɥo], [ʊo] на месте *o и монофтонгии [o], [ɔ] на месте *ɔ. Этот вывод был сделан в результате транскрибирования магнитофонных записей «на слух» и нуждается в экспериментально-фонетической верификации (см. Николаев, Толстая (в печати)).

⁹² По классификации Г. Ю. Геровского (1995: 92, карта 1).

Убле и смежных селах⁹³. При этом оппозиция $\hat{u} < *ō$ и $u < *q$, $*u$ в ужанских и мараморошских говорах Панькевичем не описана и фиксируется только в орфографии. Создается впечатление, что при транскрибировании этих говоров он (и вслед за ним Геровский) использует буквы $\hat{u}$ и u этимологически ($\hat{u}$ на месте $*ō$, u на месте $*u$, $*q$), а не в связи с их произношением.

Экспериментально-фонетическое исследование оцифрованных магнитофонных записей показало, что в «палеогуцульском» говоре с. Луг Раховского р-на под ударением противопоставлены две задние огубленные фонемы верхнего и средне-верхнего подъема: $/u/$ и $/ɔ/$. Фонема $/u/$ восходит к праслав. $*u$ и $*q$. Фонема $/ɔ/$ в исконных словах восходит только к позднепраславянскому диалектному долговому $*ō$, возникшему на месте праслав. диал. $*o$ в «новозакрытых» слогах. Обеим этим фонемам противопоставлена фонема $/ɔ/$ ($< *ь, *o$)⁹⁴.

В части примеров отмечен рефлекс $*ō > /u/$, что отражает динамику фонологической системы, а именно тенденцию к нейтрализации $/ɔ/$ и $/u/$ в единой фонеме $/u/$. Любопытно, что при сравнении материала, записанного от Олены Николаевны Йойкалюк и Василины Николаевны Полянчук (Богородицкой), обнаружилось, что в речи более молодой Полянчук (1950 г. р.) фонема $/u/$ заметно чаще заменяет фонему $/ɔ/$, чем в речи Йойкалюк, которая старше первой на 13 лет (1937 г. р.).

Случаи обратного перехода $/u/ < *u, *q$ в $/ɔ/$ не засвидетельствованы. В табл. 5 приведены подударные фонемы с. Луг.

Таблица 5

Гласные фонемы говора с. Луг под ударением

ī		u
ɪ		ɔ
ε		ɔ
	a	

В табл. 6 приведен обновленный материал по рефлексам $*ō$ под ударением. Полуужирным шрифтом выделены формы с $/ɔ/ < *ō$.

⁹³ У Брока $\hat{u} = /u/$ из $*ō$ независимо от позиции, также из $*u, *q$ в «позиции повышения» и $\hat{u} = /ɔ/$ – нейтральный рефлекс $*u, *q$ (Николаев, Толстая 2017; 2018).

⁹⁴ Праслав. $*ь, *ъ$ отражаются как $[ɔ]$ перед таутосиллабическим w : $dřowx < *dъlgъ, vřowk < *vъlkъ, sřow < ПЮЗ *sōlj+ojq$.

Таблица 6

Рефлексы ПЮЗ *b̄ у двух носителей говора с. Луг

«Праюгозападная» реконструкция	О. Н. Йойкалюк 1937 г. р.	В. Н. Полянчук 1950 г. р.	Значение
*bōbь	<i>hop</i> 2×	<i>bub</i> 2×	боб
*bōкь		<i>buk</i> 2×	бок
*bōl'ьše	<i>búrše</i> 1×	<i>búrše</i> 2×	больше
*brōdь	<i>brut</i> 1×		брод
*dorōžьka < *doržьka	<i>dərōška</i> 2×, <i>dərúška</i> 1×	<i>dərúška</i> 1×	дорожка
*drōbь	<i>drop</i> 1×	<i>drup</i> 1×	крупница
*drōžьžě < *drožžě	<i>drúžd'i</i> 1×	<i>dróžž'i</i> 1×	дрожжи
*dvōгь	<i>dvor</i> 2×	<i>dvor</i> 1×	двор
*dъxōгь	<i>txor'</i> 3×	<i>txur'</i> 2×	хорек
*gnōjь	<i>hnoj</i> 1×	<i>hnuj</i> 1×	навоз
*gōdь	<i>hut</i> 2×	<i>hud</i> 3×	год
*gōr'ьko	<i>hór'ko</i> 1×		горько
*gōr'ьše сравн.	<i>húrše</i> 1×	<i>húrše</i> 1×	горше
*gōstь	<i>hos't'</i> 1×	<i>hus't'</i> 1×	гость
*grōbь	<i>hrop</i> 1×	<i>hrob</i> 1×	могила
*grōmь	<i>hirum</i> 1×	<i>hrom</i> 1×	гром
*zvōzdь 'гвоздь' < *gvozďь	<i>zvuzd</i> 1×	<i>zvuzd</i> 2×	гвоздь
*kōlьko < *koliko	<i>kúl'ko</i> 1×	<i>kól'ko</i> 1×	сколько
*kōn'ь, Тв. мн. *kōn'+ьmi	<i>kon'</i> 2×, <i>kun'</i> 1×; <i>kún'mi</i> 1×	<i>kon'</i> 2×, <i>kún'mi</i> 1×	лошадь
*kōпьčq 1 ед.	<i>kónču</i> 2×	<i>kónču</i> 2×	кончатъ
*kōгь		<i>kor'</i> 1×	корь
*kōть	<i>kot</i> 1×, <i>kut</i> 4×	<i>kut</i> 1×	кот
*kōтьka	<i>kútka</i> 1×	<i>kútka</i> 1×	кошка
*mōjь	<i>moj</i> 1×		мой
*mōstь	<i>most</i> 1×	<i>must</i> 1×	мост
*nōčь, Тв. *nōčьj+ojq	<i>noč</i> 2×, <i>nuč</i> 1×; Тв. <i>nóču</i> 1×	<i>nuč</i> 1×	ночь
*nōгь Р. мн.	<i>nux</i> 1×	<i>nuh</i> 1×	нога
*nōсь	<i>nos</i> 1×	<i>nus</i> 1×	нос
*nōžь	<i>noš</i> 1×	<i>nož</i> 1×, <i>nuž</i> 1×	нож

«Праюгозападная» реконструкция	О. Н. Йойкалюк 1937 г. р.	В. Н. Полянчук 1950 г. р.	Значение
*nǫžьka	<i>núška</i> 1×	<i>núžka</i> 1×	ножка
*okrǫpь	<i>ǫkróp</i> 1×		кипяток
*ǫльха	<i>úl'xa</i> 2×	<i>úl'xa</i> 1×	ольха
*ǫпь	<i>on</i> 2×	<i>on</i> 2×	он
*ǫсмь		<i>ús'im</i> 2×	восемь
*ǫсьра < *osъра	<i>ós'pa</i> 2×	<i>ús'pa</i> 2×; Тв. <i>ús'paw</i> 1×	оспа
*rǫjьdǫ, -e(ть) през. 1 и 3 ед.		<i>pújdu</i> 1×; <i>pújde</i> 1×	пойти
*ǫвньсѣ И.-В. мн.	<i>úci</i> 1×		овца
*romǫglь прош. ед. м.	<i>rǫmóx</i> 1×	<i>rǫmúx</i> 1×	помочь
*romǫstь		<i>rǫmúst</i> 1×	деревянный пол
*rǫpь	<i>rop</i> 2×, <i>rup</i> 1× (и <i>rǫp</i> 1×)	<i>rup</i> 3×	поп
*porǫgь < *porǫgь	<i>pǫróx</i> 1×, <i>pǫrúx</i> 2×	<i>pǫrúx</i> 1×, <i>pǫrúh</i> 1×	порог
*rǫtь	<i>pot</i> 1×	<i>put</i> 1×	пот
*rǫzdьno	<i>póznǫ</i> 1×		поздно
*rǫzdьnъjь	<i>pózneǫ</i> 1×	<i>púzneǫ</i> 3×	поздний
*proхǫdь	<i>prǫxót</i> 1×	<i>prǫxót</i> 2×	проход
*rǫdь	<i>rut</i> 1×		родня
*snǫpь	<i>snup</i> 1×		сноп
*sǫlь, Тв. ед. *sǫlьj+ojǫ	<i>sol'</i> 2×, <i>sul'</i> 1×; <i>sól'ǫw</i> 1×	<i>sul'</i> 2×; <i>súl'ǫw</i> 2×	соль
*stǫlь	<i>stol</i> 1×	<i>stol</i> 1×, <i>stul</i> 1×	стол
*tǫlьko < *toliko	<i>tól'kǫ</i> 1×	<i>túl'kǫ</i> 1×	только
*vǫlь	<i>vol</i> 1×, <i>vul</i> 1×	<i>vol</i> 1×	вол
*vǫskь	<i>vosk</i> 4×		воск
*vǫzь	<i>voz</i> 3×, <i>vuz</i> 1×	<i>voz</i> 1×, <i>vuz</i> 1×	телега
*xvǫstь	<i>xvost</i> 1×	<i>xvost</i> 1×, <i>xvust</i> 2×	хвост
*zvǫпь < *zvonь	<i>zvon</i> 2×		колокол

В приложении на рис. 1–6 представлены иллюстративные спектрограммы из Луга (информант О. Н. Йойкалюк), выполненные в программе Praat.

V. ЕЩЕ РАЗ О РЕФЛЕКСАХ *U И *Q В КАРПАТОУКРАИНСКИХ ГОВОРАХ

Различие «двух U» на месте праслав. *u и *q впервые было обнаружено «на слух» А. В. Тер-Аванесовой в покутском говоре с. Тышковцы (Тішківці) Городенковского (ныне Коломыйского) р-на Ивано-Франковской обл. во время пребывания нашей экспедиции в селе в феврале 1990 г. В дальнейшем (также «на слух») рефлекс праслав. *u был нами интерпретирован как фонема /u/, произносящаяся как [u^h ~ ^hu] и [u], а рефлекс праслав. *q – как фонема /q/, произносящаяся как назализованное [u^h] (Николаев 1995б: 102–103).

К сожалению, аудиозаписей из Тышковцев мало, еще меньше из них оцифровано, поэтому подвергнуть транскрипцию 1995 г. экспериментально-фонетической верификации не представилось возможным. Однако анализ короткой оцифрованной магнитофонной записи от Василины Алексеевны Пещак (1925 г. р.), у которой были записаны рефлексы *q и *u в ряде именных и глагольных корней, показал, что по крайней мере в ее идиолекте оппозиция «двух U» под ударением⁹⁵ фонологична и имеет регулярное этимологическое происхождение⁹⁶. Предположенная в (Николаев 1995б: 102–103) тышковская назализация рефлекса *q у В. А. Пещак не обнаружена.

А. Рефлекс праслав. *u под ударением – фонема /u/ произносится как однородное u.

Б. Рефлекс праслав. *q – фонема /qo/ реализуется как дифтонг [qo⁹⁷], после r и l как монофтонг [o].

Фонема /qo/ противопоставлена, с одной стороны, фонеме /o/ (< праслав. *o, *ъ и, в ряде позиций, *e, *ь), с другой – фонеме /u/ (< праслав. *u).

Ниже приводится материал.

А. Тышк. /u/ [u] < праслав. *u:

*duriti > 1 ед. *ɔbdór'ö* 2×, 3 ед. *ɔbdórət* 1×, 3 мн. *ɔbdór'it* 1× ‘обмануть’;

*lupiti > през. 1 ед. *lópjö* 2×, 3 ед. *lópət* 1× ‘лупить’;

*muxa > В. *móxu* 4× ‘муха’;

⁹⁵ В безударной позиции «два U», по-видимому, не различаются, нейтрализуясь в [u].

⁹⁶ В еще более краткой оцифрованной записи от Анны Ивановны Княгининой (1924 г. р.) также отмечены оба звукотипа («u» и «qo»), однако они находятся в свободном варьировании, будучи аллофонами единой фонемы /u/.

⁹⁷ Знаком [o] обозначено «среднее» o, по подъему расположенное между «закрытым» [o] и «открытым» [ɔ].

*rušiti > през. 1 ед. *zróšov* 1×, 3 ед. *zróšit* 1×, инф. *rúšite* 1× ‘двигать’;

*sunuti > през. 1 ед. *sónov* 1×, 3 мн. *sónot* 1× ‘двигать’;

*sušiti > през. 1 ед. *sóšov* 1×, 3 ед. *sóšet* 1× ‘сушить’.

Б. Тышк. /ʁo/ [ʁo ~ o] < праслав. *ʁ:

*lǫčiti > през. 1 ед. *rǫzlǫčv* 2×, 3 ед. *rǫzlǫč'it* 1×, 3 мн. *rǫzlǫč'i* 1× ‘разлучить’;

*mǫčiti > през. 1 ед. *mǫčǫčv* 1×, 3 ед. *mǫčǫč'it* 1×, 3 мн. *mǫčǫč'i* 1×, прош. ед. м. *s'i mǫčǫč'iw* 1×, ж. *s'i mǫčǫč'ila* 1×, мн. *mǫčǫč'ili-s'1* 1× ‘мучить’;

*mǫdǫgъ > *mǫódrej* 2× ‘мудрый’;

*nǫditi > прош. ед. ср. *znǫdíto* 1× ‘надоесть’;

*rǫka > В. *róko* 2×, мн. *rók'i* 1× ‘рука’;

*sǫditi > през. 1 ед. *zasǫđov* 1×, 3 ед. *zasǫđet* 1×, 3 мн. *sǫđ'i* 1×, *zasǫđ'i* 1× ‘судить’.

Так же в окончании:

*jъzlgъčǫ > през. 1 ед. *zlekšǫ* 2× ‘облегчить’.

Спектрограммы, выполненные в программе Praat, иллюстрируют фонетическое различие между фонемами – см. рис. 7–20 в приложении.

* * *

Покутский говор с. Тышковцы с его фонологической оппозицией дифтонга /ʁo/ на месте *ʁ и монофтонга /o/ на месте *u расположен в восточногалицком ареале (Николаев 2008: 125–126; 136, карта 1), для которого характерна оппозиция рефлексов *ę и *a после исконно мягких шипящих согласных (условное обозначение *'a). Рефлексы в говорах фонетически многообразны, однако исторически они сводятся к противопоставлению дифтонга *ja* (или *ěa*) < *ę монофтонгу *a* < *'a – см. карту распространения, материал и комментарий к нему в (Тер-Аванесова 1995: 33–38).

В самих Тышковцах представлена фонологическая оппозиция дифтонга /je/ < *ę монофтонгу /e/ < *'a: *ž'jěty, ž'jěli, ž'ěla* < *žęti, *žęla, *žęli ‘жать (серпом)’; *zač'jěty, zač'jěla, zač'jěli* ‘начать’ < *začęti, -la, -li в противоположность *ž'ěba* ‘лягушка’ < *žaba, *č'és* ‘время’ < *časъ (Николаев 1995б: 105). «Синхронная система гласных» говора Тышковцев, описанная в (Николаев 1995б: 101–103), в целом нуждается в кардинальной ревизии.

Фонетически более сложный вариант этой системы был записан А. В. Тер-Аванесовой (1995: 38) в буковинском говоре Банилова-Подгорного (Банілів-Підгірний) Сторожинецкого р-на Черновицкой обл.:

полифтонг *iéa* на месте *ę противопоставлен дифтонгу *éa* или монофтонгу *é* на месте *a: *č'iéado* 'ребенок' < *čędo; *ž'iéaty*, прош. *ž'iéala*, *ž'iéalā* 'жаты' < *žęti, *žęla, *žęli, *p'ic'iéatka* 'печать' < *pečętka, pl. *loš'iéata* 'жеребята', *d'ič'iéata* 'девочки' с суффиксом **-ęt-* – в противоположность *č'ed* 'угар' < *čadę, *ž'éba*, *ž'éaba*, *ž'i'éaba* 'лягушка' < *žaba, *dyr'ž'éak* 'рукоять' < *dęržakę, *miš'éaty*, *miš'éala* 'мешать' < *męšati, -la и т. д. (ср. фонологическую интерпретацию этой оппозиции как /ię/ и /ę/ в Николаев 1995а: 110–111).

В говоре Банилова-Подгорного этимологическая оппозиция записанных «на слух» аллофонов [u], [u] («фонема» /u/) на месте *u и аллофонов [u^u], [u^u], [u^u], [u] («фонема» /u/) на месте *o была установлена мною «на слух» (Николаев 1995а: 107–108, 111). Эта транскрипция нуждается в экспериментально-фонетической перепроверке: при прослушивании нетривиальные фонетические различия нередко воспринимаются превратно⁹⁸.

В табл. 7 показаны «нейтральные» (не обусловленные дополнительными позиционными параметрами) подударные рефлексы праславянских гласных задне-среднего и заднего ряда в говорах сел Тышковцы, Луг и Убля. Также приведены рефлексy в литературном украинском языке и восточноборжавском говоре с. Синевир (Межгорский р-н Закарпатской обл.). Знак « $\Rightarrow$ » обозначает замещение фонемы /o/ и /o/ любого происхождения фонемами /u/ или /u/ соответственно.

Таблица 7

ПОДУДАРНЫЕ РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ ОГУБЛЕННЫХ ФОНЕМ ЗАДНЕГО РЯДА
В УКРАИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

ПЮЗ	Литер. укр.	Тышковцы	Синевир	Луг	Убля
* <i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i> ($\Rightarrow$ <i>u</i>)
* <i>o</i>	<i>u</i>	<i>o</i> ($\Rightarrow$ <i>o</i>)	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>o</i> ($\Rightarrow$ <i>u</i>)
* <i>o</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>ii</i>	<i>o</i> ($\Rightarrow$ <i>u</i>)	<i>u</i>
* <i>o</i> , * <i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>

⁹⁸ В результате транскрибирования «на слух» было предположено противопоставление «двух *U*» на месте *u и *o в говорах сел Черный Поток Иршавского, Ярков Ужгородского, Лопухов и Русская Мокрая Тячевского, Луг и Черная Тиса Раховского р-на Закарпатской обл., Битля Турковского р-на Львовской обл., Яворов Косовского, Яблоница Надворнянского, Красноиллов Верховинского р-на Ивано-Франковской обл. (Николаев 1995а: 111, 120; 1995б: 102–103, 118; 1997). Оппозиция «двух *U*» на месте *u и *o в этих говорах нуждается в экспериментально-фонетическом подтверждении.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Абраменко и др. 2014 – *О. А. Абраменко, С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая*. Системы соотношения gen. и dat.-loc. a-основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект // Исследования по славянской диалектологии. 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 63–165.
- Аникин РЭС – *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–15. М., 2007–2021.
- Аникин 2000 – *А. Е. Аникин*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск, 2000.
- АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.
- АССЯ – *В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. Словарь. Вып. 1. М., 1993.
- АУМ I – Атлас української мови. Том перший. Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі. Київ, 1984.
- АУМ II – Атлас української мови. Том другий. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. Київ, 1988.
- АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси. Изд. Археограф. комис. под ред. Н. Калачова. Т. I–III. СПб., 1857–1884.
- Білецький-Носенко 1966 – *П. П. Білецький-Носенко*. Словник української мови. Підготував до видання В. В. Німчук. Київ, 1966.
- Брок 1899 – *О. Брок*. Угросское наречие села Убли (Земплинского комитата). СПб., 1899.
- Булаховский 1961 – *Л. А. Булаховский*. Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 3–13.
- Вост. – см. МДАРЯ.
- Варл. – пергаменная Вкладная грамота Варлама Хутынского 1192–1210 гг. (Зализняк 2004а: 458–460).
- Васильев 2012 – *В. Л. Васильев*. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- ВЛ = Вольнская лет. – см. Ипат.
- ВМЧ, Окт. 1–3 – Великие Минеи-Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Стлб. 3–792, XVI в. Изд. Археограф. комис. Октябрь. Дни 1–3. СПб., 1870.
- Высоцкий 1976 – *С. А. Высоцкий*. Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв. Киев, 1976.
- Галинская 2015 – *Е. А. Галинская*. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2015.
- Галицкая лет. – см. Ипат.
- Геровский 1995 – *Г. Ю. Геровский*. Язык Подкарпатской Руси / пер. с чешского. М., 1995.

- Гиппиус 2020 – А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37.
- Грінченко – Б. Грінченко. Словарь української мови. Т. 1–4. Київ, 1907–1909.
- ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Даль – Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Третье, исправленное и значительно дополненное издание, под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.
- ДАРЯ I – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986.
- ДАРЯ II – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Комментарии к картам. М., 1989.
- ДАРЯ III – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996.
- Домостр. – Домострой по списку ОИДР. Предисл. И. Е. Забелина // Чт. ОИДР. 1881. Кн. 2. С. 1–166. Список XVI в.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Ефр. кормч. – Ефремовская кормчая, XII в. – ГИМ, Син. № 227.
- ЖАЮ – Житие Андрея Юродивого, сочинение XI в. (не позднее нач. XII в.) – См. А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. Источники: Тип. – XIV в. – РГАДА, Син. тип. № 182; Сол. – XV в. – РНБ, Сол. № 216 (дополнительные источники – РГБ, Тр.-Серг. № 780; РГБ, Тихонр. № 29; ГИМ, Син. № 924; РНБ, Сол. № 2).
- Зализняк 1985 – А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1988 – А. А. Зализняк. Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 58–78.
- Зализняк 1993 – А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321.
- Зализняк 2004а – А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2004б – А. А. Зализняк. К изучению древнерусских надписей // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Том XI. М., 2004. С. 233–287.
- Зализняк, Янин 2009 – А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2008 г. // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 3–12.
- Зап. – см. МДАРЯ.
- Захарова, Орлова 1970 – К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Ипат(ьевский список) – Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908.
- Каринский 1909 – Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.
- КЛ = Киевская лет. – Киевская летопись. Издание подготовила И. С. Юрьева. 2-е издание. М., 2017.

- Колесов 1980 – В. В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Крысько 1998 – В. Б. Крысько. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.
- Крысько 2003 – В. Б. Крысько. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 339–355.
- Лавр(ентнтьевский список) – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Издание Археографической комиссии. [Фототипическое издание]. СПб., 1872.; Полное собрание русских летописей. Том первый. Вып. 2. Суздальская летопись по лаврентьевскому списку. Издание второе. Л., 1927.
- Леонова 1958 – М. В. Леонова. До характеристики говірок північних районів Буковини // Питання історії і діалектології східно-слов'янських мов. Чернівці, 1958. С. 89–103.
- Леч. III – Лечебник без заглавия. – Рукоп. Пушкинского дома в 132 главах, собр. В. Н. Перетца, № 217. 1672 г., список 1-й пол. XVIII в.
- МБЭ – Материалы диалектологических экспедиций Института славяноведения РАН 1996–2003 гг., посвященных изучению белорусских говоров (Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН, г. Москва).
- МДАРЯ Вост., Зап., Сев., С.-З., Ю. – Материалы русских говоров центральных областей а) к востоку, б) к западу, в) к северу, г) к северо-западу, д) к югу от Москвы, собранные для Диалектологического атласа русского языка (хранятся в Отделе диалектологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН).
- Мжельская 1962 – О. С. Мжельская. Лексика древней псковской письменности в современных псковских говорах // Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 10–25.
- Миняя 1096 г. – Миняя, 1096 г. – РГАДА, Типогр. № 96.
- Михеев 2015 – С. М. Михеев. Древнерусские глаголические надписи XI–XII веков из Новгорода: №№ 23–28 // Slovo. Zagreb, 2015. Br. 65. S. 65–85.
- МКЭ – Материалы диалектологических экспедиций Института славяноведения РАН 1987–2019 гг., посвященных изучению карпатоукраинских говоров (Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН, г. Москва).
- Мойсієнко 2006 – В. М. Мойсієнко. Фонетична система українських поліських говірів у XVI–XVII ст. Житомир, 2006.
- МРЭ – Материалы диалектологических экспедиций Института славяноведения РАН 1994–2013 гг., посвященных изучению русских говоров (Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН, г. Москва).
- Николаев 1988 – С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Николаев 1989 – С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–225.

- Николаев 1990 – С. Л. Николаев. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54–63.
- Николаев 1994 – С. Л. Николаев. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.
- Николаев 1995а – С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал // Славяноведение. 1995. № 3. С. 105–122.
- Николаев 1995б – С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал (продолжение) // Славяноведение. 1995. № 5. С. 101–127.
- Николаев 1996а – С. Л. Николаев. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал // Славяноведение. 1996. № 1. С. 125–139.
- Николаев 1996б – С. Л. Николаев. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник статей к 60-летию А. А. Зализняка. Москва, 1996. С. 203–242.
- Николаев 1997 – С. Л. Николаев. Новые данные о фонетике русских говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 120–137.
- Николаев 2001 – С. Л. Николаев. Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 86–121.
- Николаев 2008 – С. Л. Николаев. Балкано-карпатские изоглоссы как реликт поздне-праславянского лингвистического ландшафта // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 125–139.
- Николаев 2011 – С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3–19.
- Николаев 2015 – С. Л. Николаев. Новые данные о рефлексах *о и *ь в русских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 90–188.
- Николаев 2020 – С. Л. Николаев. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб., 2020.
- Николаев и др. 2013 – С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая. Вокализм полесских говоров в праславянской перспективе // Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 99–140.
- Николаев, Толстая 2017 – С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Рефлексы праславянских гласных под ударением в украинском говоре с Убля в Восточной Словакии (по записям 2014 г.) // Диалекти в синхронії та діахронії. Трансформація діалектного континууму і проблеми лінгвоекотології. Київ, 2017. С. 296–316.
- Николаев, Толстая 2018 – С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Работы Олафа Брока о говоре Убли и современные полевые записи // Слов'янський світ Олафа Брока.

- Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 15-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів, 2018. С. 159–200.
- Николаев, Толстая (в печати) – С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Записи фонетики карпатоукраинских говоров и звуковая база данных // (в печати).
- НОС₁ – Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- НОС₂ – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2010.
- Носович – И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Панд. Ник. Черн. – Ярославский список Пандектов Никона Черногорца, XII в. – Ярославский музей, № 15583.
- Панькевич 1938 – I. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Ч. I. Звучня і морфологія. Прага, 1938.
- ПОС – Псковский областной словарь. Вып. 1–23. Л.; СПб., 1967–2012.
- С.-З. – см. МДАРЯ.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII. М., 1988–2019.
- Сев. – см. МДАРЯ.
- Син. пат. XI в. – Синайский патерик, XI в. – ГИМ, Син. № 551.
- СлНПеч – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1. СПб., 2003.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–29. М., 1975–2011.
- Смол. гр. – Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подг. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин; под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5. 1999–2006.
- Срезн. – И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–IV. СПб., 1893–1912.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. Л.; СПб.; М., 1965–2019.
- Суздальская лет. – см. Лавр.
- Тер-Аванесова 1995 – А. Е. Тер-Аванесова. Карта 4. Рефлексы *'а и *'ѣ под ударением // И. А. Букринская и др. Восточнославянские изоглоссы. [Вып. 1]. М., 1995. С. 32–42.
- Уст. корм. XIII в. – Устюжская кормчая, XIII в. — РГБ, ф. 256, № 230.
- Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Христиноп. ап. XII в. – Христинопольский Апостол, XII в. // A. Kałużniacki. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Vindobonae, 1896.
- Шахматов 1915 – А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шевелева 1995 – М. Н. Шевелева. Новые данные церковнославянских рукописей о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными и развитии «второго полногласия» // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 78–93.
- Шевелева 1996 – М. Н. Шевелева. «Житие Андрея Юродивого» как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка (новые данные о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными) // Вопросы русского язы-

- кознания. Вып. VI. Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. М., 1996. С. 20–65.
- Шевелева 1997 – М. Н. Шевелева. Еще раз об орфографии церковнославянских рукописей и проблеме реконструкции системы говора писца // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 16–46.
- Шевелева 2001 – М. Н. Шевелева. Орфография сочетаний гласных с плавными в Синайском Патерике и проблема его диалектной локализации // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 168–221.
- Шевелева 2007 – М. Н. Шевелева. Еще раз о написаниях типа ТРОТ (на месте рефлексов праславянских сочетаний гласных с плавными) в рукописях XIII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 266–282.
- Шевельов 2002 – Ю. Шевельов. Исторична фонологія української мови / переклад з англійської. Харків, 2002.
- Ю. – см. МДАРЯ.
- Юрьева 2022 – И. С. Юрьева. Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М., 2022.
- Юрьевское ев. – Юрьевское евангелие, ок. 1120 – ГИМ, Син. № 1003.
- Янин, Зализняк 2015 – В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты № 916–1063 // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Том XII. М., 2015. С. 12–165.
- Fenne – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607 / ed. L. L. Hammerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1970.
- Klemensiewicz, Lehr-Splawiński, Urbańczyk 1955 – Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
- Lehr-Splawiński 1966a – T. O. Lehr-Splawiński. O dawnych narzeczach Słowian Pomorza Zachodniego i ziem przyległych // T. O. Lehr-Splawiński. Studia i szkice wybrane. Seria 2. Warszawa, 1966. S. 1–18.
- Lehr-Splawiński 1966b – T. O. Lehr-Splawiński. Szczątki języka dawnych mieszkańców Rugii // T. O. Lehr-Splawiński. Studia i szkice wybrane. Seria 2. Warszawa, 1966. S. 34–36.
- Leška 1973 – O. Leška. Govor sela Ublja vostočnoj Slovakii. Etjudy po ukrajinskoj dialektologii 1. Praha, 1973.
- Lorentz 1925 – Friedrich Lorentz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin; Leipzig. 1925.
- Sychta – Bernard Sychta. Słownik gwar kaszubskich. T. I–V. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967–1976.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПЕКТРОГРАММЫ

Луг Раховского р-на, информант О. Н. Йойкалюк, 1937 г. р.

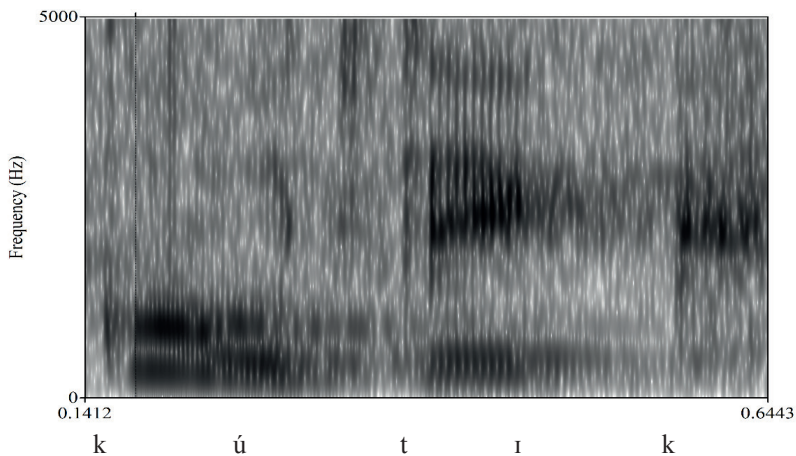
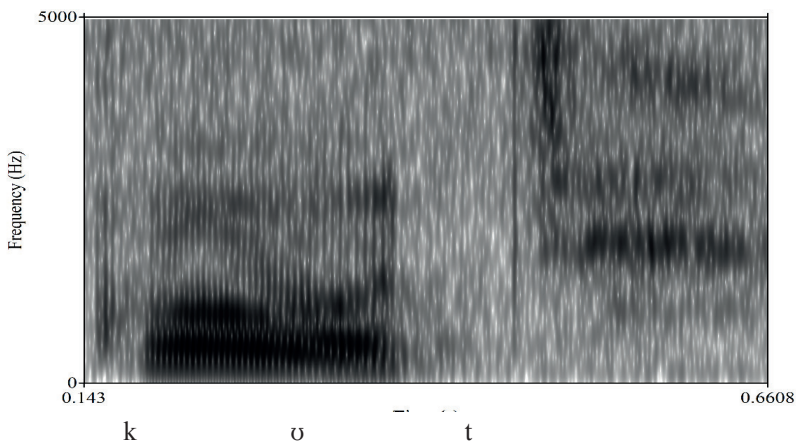
Рис. 1. *kuťik* 'угол' < *kōťikъРис. 2. *koť* 'кот' < *kōťъ

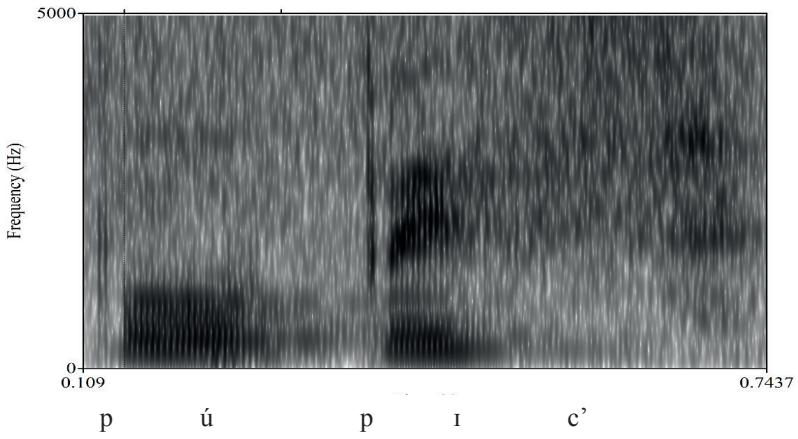
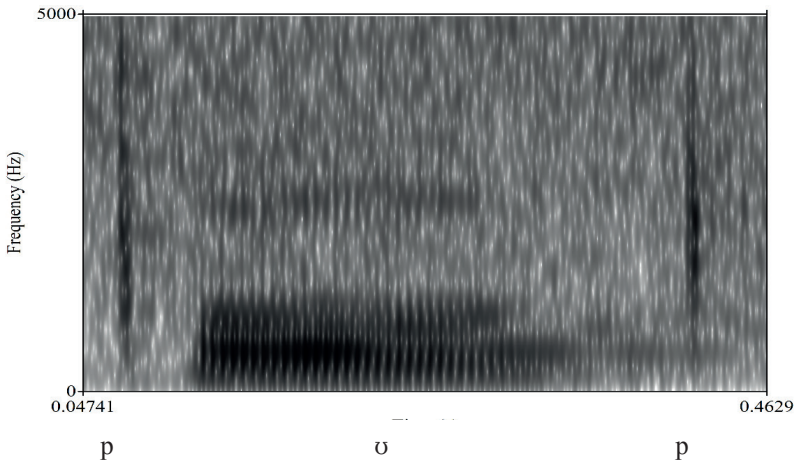
Рис. 3. *рiрiс'* 'пупок' < *рррьсьРис. 4. *рор* 'поп' < *рõрь

Рис. 5. *dub* 'дуб' < *dǫbъ

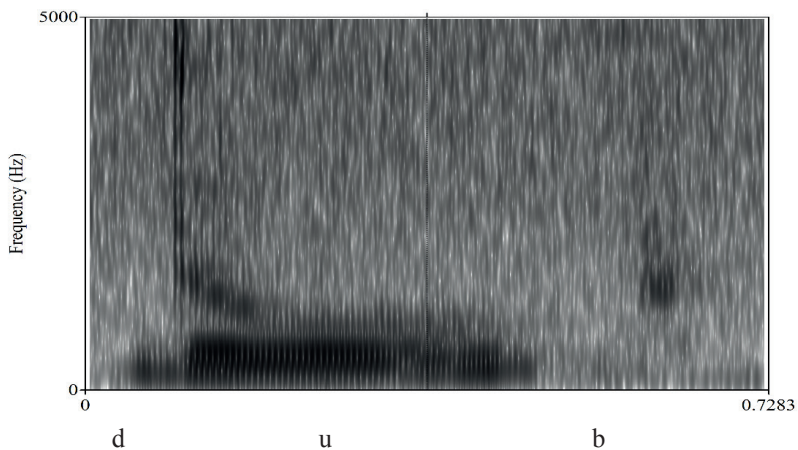
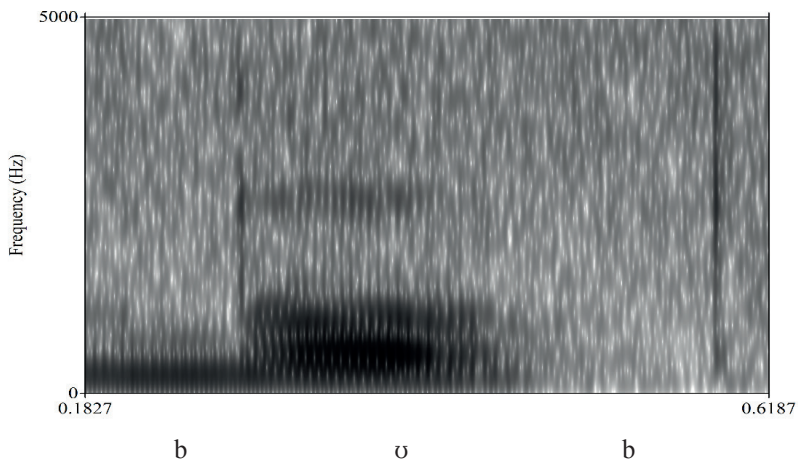

Рис. 6. *bvb* 'боб' < *bǫbъ

Тышковцы Коломыйского р-на, информант В. А. Пещак 1925 г. р.

Рис. 7. В. ед. *móxi* 'муху' < *muxo

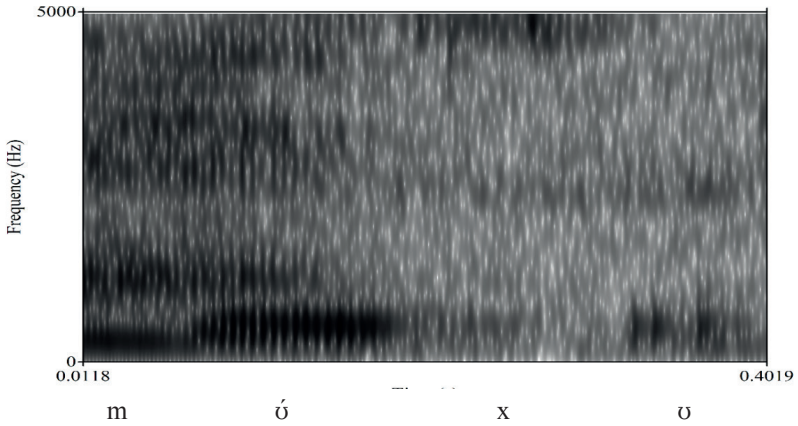

Рис. 8. 1 ед. *ǰbdór'ö* < *obdur'q

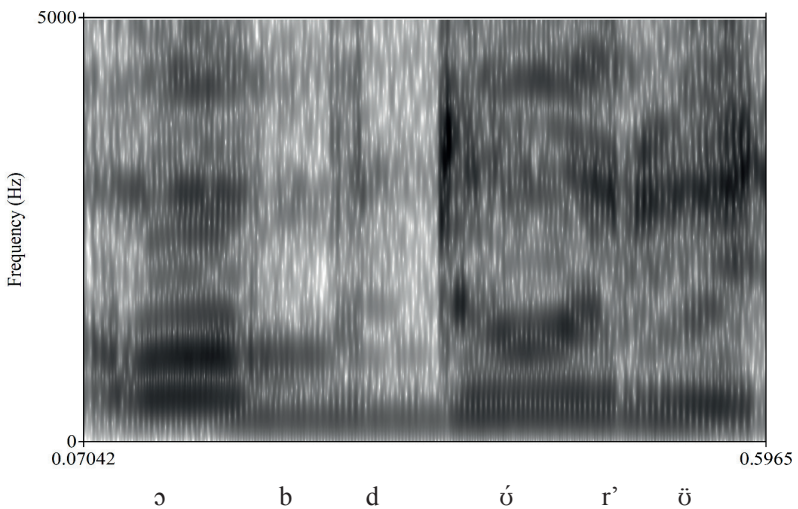

Рис. 9. 3 ед. *ǫbdǫret* < *obduritъ

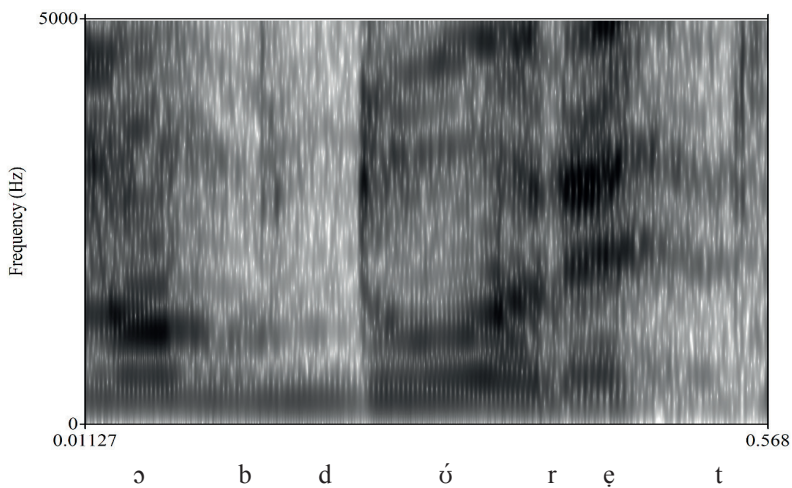

Рис. 10. 3 мн. *sǫnot* 'двинут' < *sunǫtъ

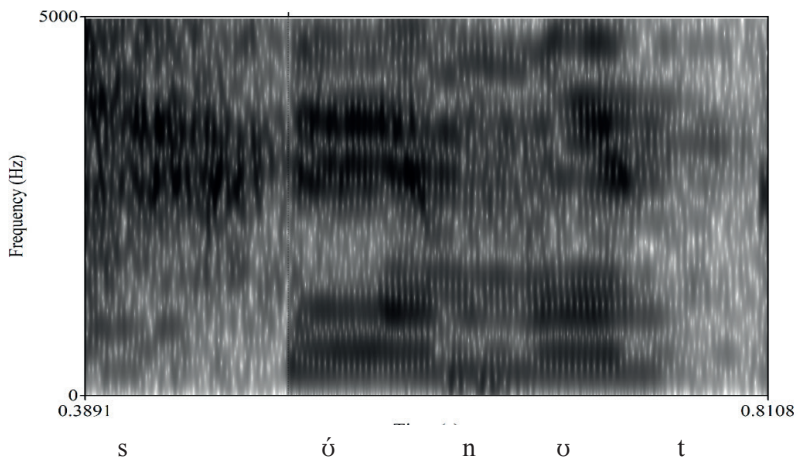

Рис. 11. 1 ед. *sóšv* ‘сушы’ < *sušq

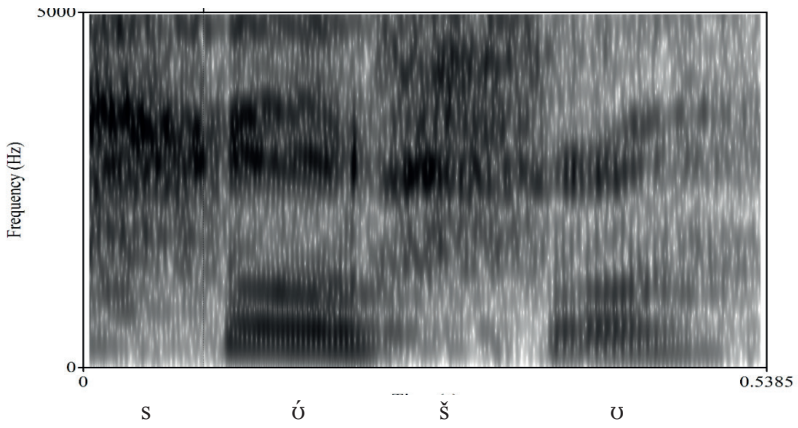

Рис. 12. 1 ед. *lórjv* ‘луплю’ < *lurljq

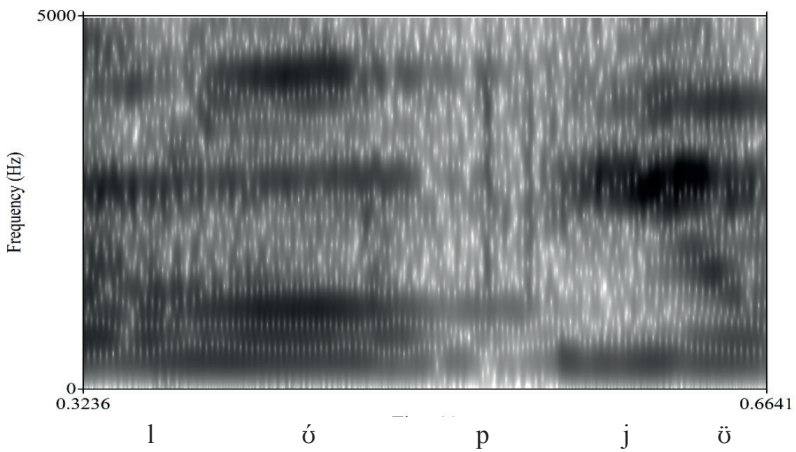

Рис. 13. Им. ед. м. *mŭódrěj* ‘мудрый’ < *mŭdrǫjь

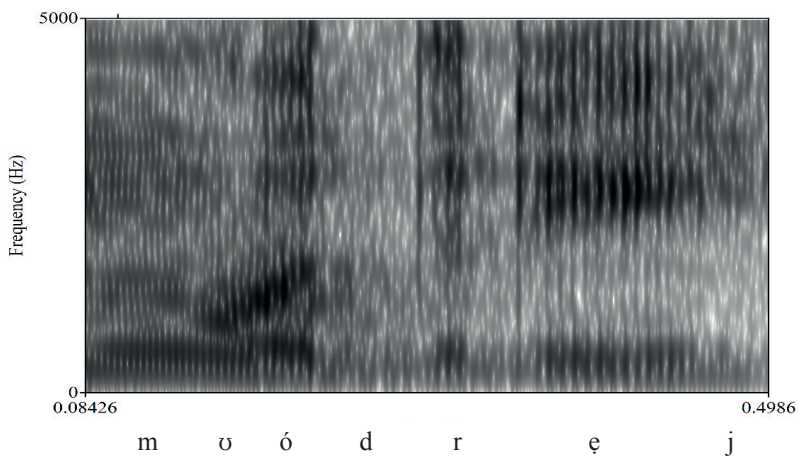

Рис. 14. 1 ед. *mŭóčŭ* ‘мучу’ < *mŭčŭ

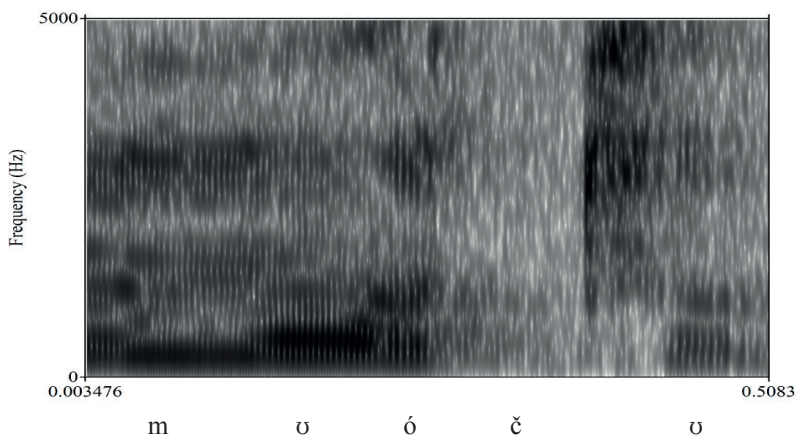

Рис. 15. 3 ед. *zasuódet* 'засудит' < *zasuóditь

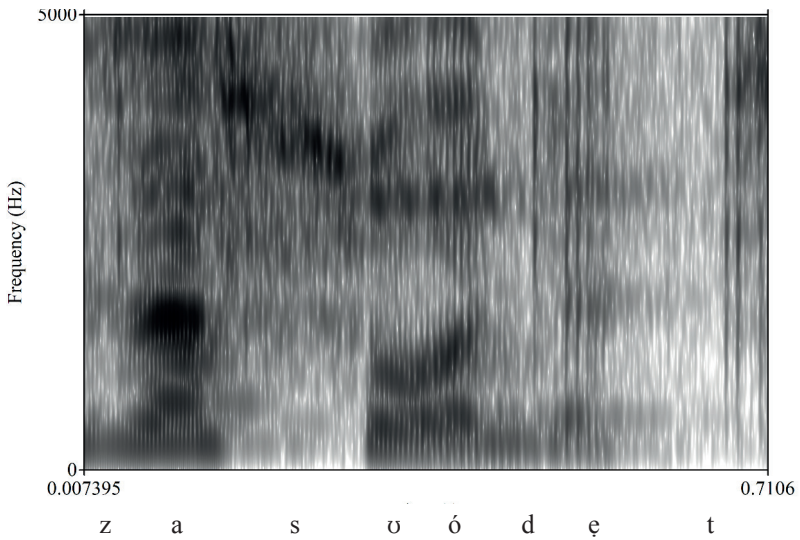

Рис. 16. 1 ед. през. 1 ед. *zlekšó* 'облегчу' < *jъzъlъbъčó

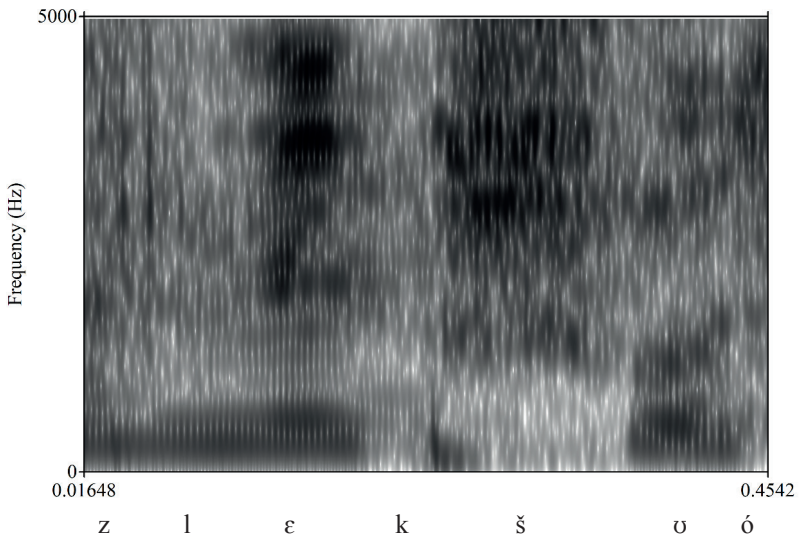

Рис. 17. 3 ед. ср. *znȋdíto* 'надоело' < *jъznȋdilo

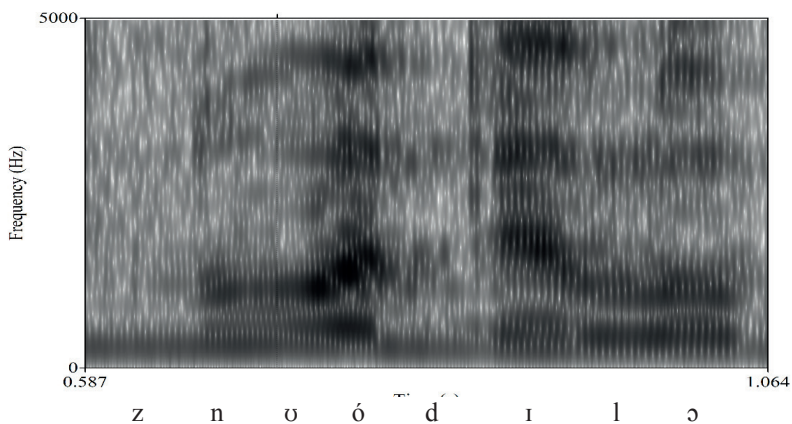

Рис. 18. 1 ед. *rozlǫčŭ* 'разлучу' < *orzlǫčŭ

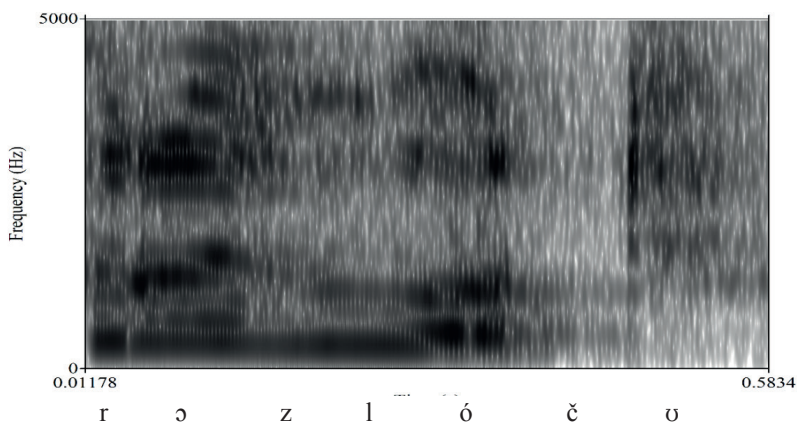

Рис. 19. Вин. ед. $rók\upsilon < *rǫk\upsilon$

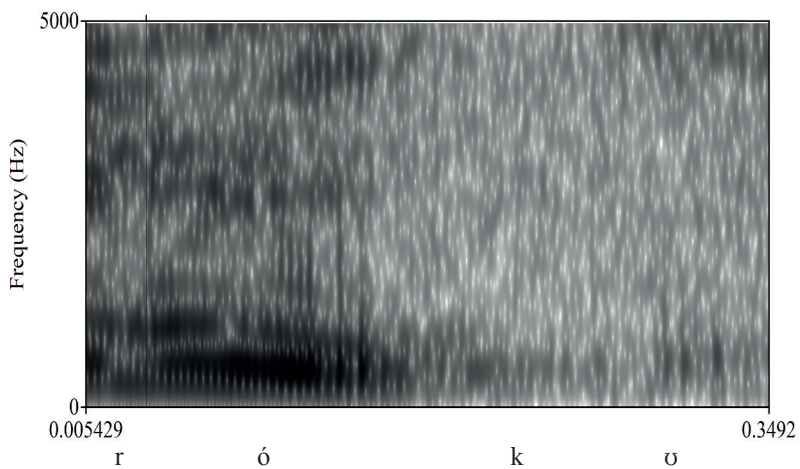
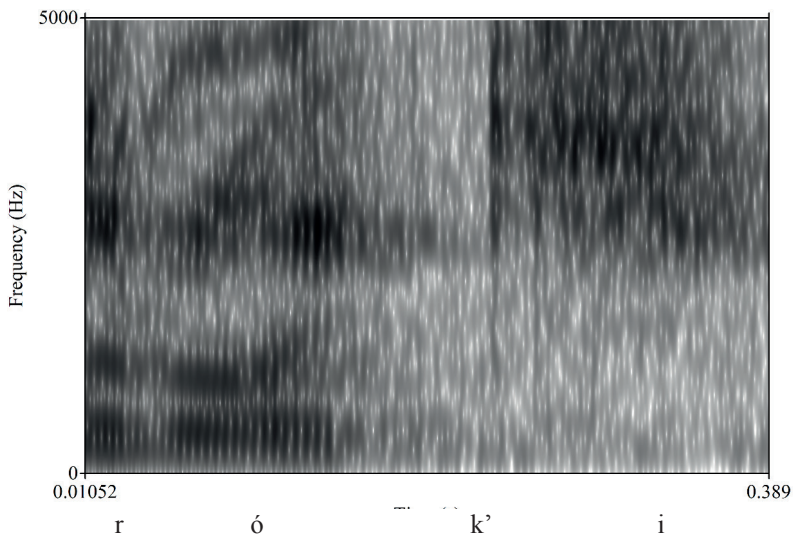

Рис. 20. Мн. $rók'i < *rǫky$

Sergei L. Nikolaev

Institute of Slavic Studies,
Moscow, Russia

New data on the historical phonetics of East Slavic languages

In this article, the author returns to the issues that were raised in his previous articles, supplements them with new material and ideas, and also corrects the mistakes he made in his publications. The article presents previously unpublished materials of the dialectological expeditions of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.